

ПРЕЛОМЛЕНИЕ

БЕЛАЯ КРЫСА • ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

Й. ЛЁВЕН

Йоханн Лёвен
Преломление

«Автор»

2026

Лёвен Й.

Преломление / Й. Лёвен — «Автор», 2026

Обессиленный и упав духом, Кеплер уезжает в Австралию. В бескрайнем и почти безлюдном аутбэке он хочет начать новую жизнь. Или хотя бы просто другую. Однако прошлое не отпускает его. И ему начинают много значить люди, которых он вовсе не собирался впускать в свою жизнь. Поэтому, когда насилие приходит за теми, кто оказался рядом с ним, у Кеплера не остаётся выбора — он снова должен стать тем, кем быть он больше не хотел.

© Лёвен Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	34
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	44
Глава 18	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Йоханн Лёвен

Преломление

Часть I

Глава 1

Алис-Спрингс был последним этапом на пути в добровольное изгнание Кеплера. Здесь ему предстояло уладить несколько дел, прежде чем ехать на своё ранчо.

Сначала нужно было зайти в муниципалитет. Он находился на Тодд-стрит, которая оказалась главной торговой улицей Алис-Спрингс.

Регистрация прошла быстро и без сложностей — у Кеплера было бессрочное разрешение на проживание, статус почётного консула и собственная недвижимость. После этого ему ещё нужно было зайти в отделение Австралийско-Новозеландского банка, чтобы перевести сюда свой счёт из Канберры. Отделение находилось всего в нескольких сотнях метров от городской администрации, и Кеплер пошёл туда пешком.

То, что он успел увидеть в Алис-Спрингс, сильно напоминало ему Дурбан, только без океана, а вдоль улиц росли не пальмы, а эвкалипты, клумбы под которыми были засыпаны красным песком. Здесь тоже были изумлённые туристы, а аборигены бродили по улицам — так же, как многие чернокожие в Африке — разочарованные и пьяные. В остальном жизнь в Алис-Спрингс пульсировала, как в любом другом туристическом городе. Выбор заведений был огромным: от дорогих ресторанов и современных пабов до салунов, пропитанных духом американского Дикого Запада восемнадцатого века, и заведений, смешивавших всё это между собой. И было много магазинов с сувенирами, музеев и достопримечательностей.

Закончив дела в банке, Кеплер пошёл поесть.

К этому времени в Канберре, Сиднее и за два дня пути сюда он уже попробовал немало австралийских особенностей — стейки из крокодила, страуса и кенгуру. Но больше всего ему понравились Meat Пи.

Такие пироги с горохом нашлись и здесь — в одном пабе, где в непринуждённой атмосфере вперемешку сидела самая разная публика.

После еды Кеплер поехал за покупками. Будет ли на ранчо сразу электричество, уверенности не было — генератор давно не запускали, поэтому Кеплер покупал только то, что не требовало холодильника.

Вернувшись на Стюарт-хайвей, проходивший прямо через Алис-Спрингс, он стал искать заправку. Бак Форда был ещё наполовину полон, но Кеплер ещё в Африке усвоил, что проезжать мимо заправки не заправившись — глупо. А после побега из Судана у него это почти превратилось в навязчивую привычку — всегда держать бак как можно полнее. Если в Германии это ещё можно было бы считать иррациональным, то в Австралии — нет: за пределами городов заправок было мало, и расстояния между ними измерялись сотнями километров.

Вскоре после того как он проехал центр города, слева от шоссе он увидел пятиконечную звезду эмблемы Калтекс. Для последней заправки на ближайšie несколько сотен километров она была не особенно большой и не особенно загруженной. Ждать не пришлось — Кеплер сразу подъехал к дизельной колонке.

Когда после заправки он вошёл в кассовое помещение, длинноволосый кассир окинул его оценивающим взглядом, потом посмотрел в окно. Кроме Форда под красным навесом стояли

ещё только две машины, а их водители скучающе наблюдали за цифрами на колонках. Кеплер проследил взгляд кассира к своему пикапу и удивился, что в нём такого интересного. В тот же момент кассир снова посмотрел на него, дежурно поздоровался и с сомнением спросил, не прокатный ли это Форд. После того как Кеплер ответил отрицательно, тот быстро рассчитался, затем вежливо и как бы между прочим пожелал хорошего дня.

Кеплер молча вышел.

В семнадцати километрах к северу от Алис-Спрингс Кеплер свернул со Стюарт-хайвея на трассу номер пять. Дальше к северо-западу она пересекала пустыню Танами, поэтому и называлась Танами-роуд. Пока он ждал завершения сделки в Сиднее, Кеплер посмотрел в интернете окрестности своего ранчо. Поэтому он знал, что Танами-роуд хоть и была важной дорогой, но из более чем тысячи километров её протяжённости заасфальтированы и обозначены как двухполосный участок были только сто семьдесят километров. Дальше Танами-роуд в один момент превращалась в грунтовую дорогу. Такие дороги в Австралии называли стиральной доской, и ездить по ним лучше всего было на полноприводных машинах.

Незадолго до этого места справа от Танами-роуд стояли несколько жилых домов и роудхаус под названием Тилмут-Уэлл.

Такие придорожные комплексы были не просто местом отдыха для дальнобойщиков, бэкпекеров и аборигенов. В роудхаус всегда входили паб, заправка, универсальный магазин, почтовое отделение, одновременно выполнявшее функции банка, и мотель, где посетители паба, перебравшие с выпивкой, могли проспать на месте — чаще всего всё это размещалось в одном здании.

Кеплер решил сначала обустроиться, а познакомиться с соседями уже потом — если получится само собой. Поэтому он свернул с Танами-роуд незадолго до того, как роудхаус появился в поле зрения.

Он ехал по навигатору, но вскоре нашёл почти незаметную грунтовую ответвляющуюся дорогу, уходившую на северо-восток.

Солитэри Рэнч находилась в семнадцати километрах к юго-востоку от Тилмут-Уэлл, и на этот последний участок пути Кеплеру понадобилось тридцать минут.

Глава 2

Ранним днём он добрался до ранчо. Кеплер вышел из машины и огляделся.

Теперь он оказался там, где смерть могла прийти только за ним.

Ему всегда было страшно терять своих людей, но в Судане он это выдерживал. Не потому, что отправлял их в бой по приказу, а потому, что и сам отдал бы свою жизнь, лишь бы выиграть этот бой. Сахи погиб примерно так же. Кроме того, Кеплер всегда умел сохранять эмоциональную дистанцию со своими людьми.

С Буди всё было иначе. Он погиб в дилетантски подготовленной операции, которая служила только жадности до денег и влияния, и Кеплер не видел в его смерти никакого смысла. К тому же Буди стал для него другом. Даже больше — братом. Поэтому его смерть выбила у Кеплера почву из-под ног.

Теперь он снова панически боялся привязаться — к человеку или к месту. И боялся, что из-за него с кем-то может случиться что-то плохое. Кеплер просто хотел снова стать свободным.

Здесь, на своём одиноком ранчо, он ни с кем не встретится. И здесь он должен был быть защищён от воспоминаний о том, как они с Буди ездили по Дурбану. Уже одна мысль о том, чтобы жить в городе, во время перелёта в Австралию казалась Кеплеру подлым предательством по отношению к Буди. Поэтому он сбежал в Ред-Сентр — так называли эту местность из-за цвета её песка. Центральная часть австралийского континента представляла собой скопление жарких, пыльных и безлюдных пустынь.

Бесконечно огромное сердце аутбэка казалось Кеплеру чужим, безрадостным и враждебным. От горизонта до горизонта под ослепительно-синим небом тянулся только красный песок, перемежавшийся древними осыпающимися скалами, редкими кустами спинифекса, несколькими эвкалиптами и акациями. Стояла такая жара, что ни птицы, ни насекомые не издавали ни единого звука, и над этой бескрайней дрожащей далью лежала тяжёлая тишина.

В этой настороженной тишине Кеплер слышал только какое-то невнятное бормотание внутри себя.

Глава 3

Ранчо полностью соответствовало описанию.

Одноэтажный жилой дом имел веранду, затенённую широким навесом. В доме было четыре спальни и гостиная, где стояла обязательная для аутбэка радиостанция. Мебель, кухня и ванная были покрыты толстым слоем пыли. Почему их не накрыли, Кеплер не понимал. Зато наследники оставили всю кухонную утварь, постельное бельё в спальнях и принадлежности для уборки.

В довольно большом гараже стояли две крупные бочки с электрическими насосами. Одна предназначалась для бензина, другая — для дизеля, но обе были пусты. Над верстаком с тисками на стене висело множество инструментов, а в навесном шкафу по ячейкам были разложены шурупы, болты, гвозди, шайбы, гайки и стальные уголки. Между правой стороной верстака и стеной были вставлены несколько больших листов нержавеющей стали, рядом стоял аппарат для сварки в среде защитного газа. И старый угольный гриль.

Дизельный генератор находился в отдельном сарае, чтобы его шум как можно меньше мешал в доме. Генератор был уже не новый, но в хорошем состоянии и завёлся сразу. Стоявший рядом дизельный бак вмещал две тысячи литров и был заполнен наполовину. На одной из стен висели лопата, штыковая лопата, метла, топор и два металлических ведра.

Кеплер подошёл к деревянной башне с ветряком, качавшим воду из глубины земли, и включил привод. Сначала всё заскрипело, потом механизм перемолол пыль, и вскоре в подводящей к дому трубе забулькала вода. Через некоторое время Кеплер услышал её журчание внутри, и труба стала прохладной. Тогда он пошёл к сараю.

Когда-то тот служил хлевом. В заднем левом отгороженном углу лежали кормушка, щётка, ведро, потёртое шерстяное одеяло, рассыпанные остатки комбикорма и большая складная лестница, в остальном сарай был пуст. Животными там совсем не пахло — значит, им давно не пользовались.

Кеплер убрал пыль внутри дома, протирая всё мокрой тряпкой. Для этого ему пришлось дважды менять воду.

Повесив ведро обратно на стену в сарае с генератором, он взял штыковую лопату, совковую лопату и вёдра и пошёл в хлев.

В Сиднее, после завершения покупки ранчо, Кеплер заказал через интернет те же спортивные снаряды, что были у него в Бремене. Через несколько дней их должны были доставить в Алис-Спрингс.

Внутри сарая места было гораздо больше, чем в подвале его квартиры в Бремене. Поэтому макивару Кеплер хотел установить по традиции — в землю, а не крепить к стене. Яму под ударный столб он выкопал точно по центральной оси сарая в его передней трети. В шести метрах за ней он выкопал яму для мук-ян-чжона. Он заказал не жёсткий, а вращающийся манекен для отработки ударов — с тремя прямыми рычагами сверху и одним изогнутым снизу. Оба снаряда Кеплер собирался забетонировать.

Вторая причина, по которой Кеплер приехал в аутбэк, заключалась в том, что он больше не хотел сражаться. Но тренироваться он был обязан — чтобы оставаться собой, чтобы укреплять тело и держать разум острым. Иначе его личность просто исчезла бы. А вместе с ней и он сам.

Поэтому Кеплер снова оборудовал себе тренировочный зал. И поэтому взял с собой оружие, хотя в Австралии владеть им не имел права. Но для Эрмы у него был только двадцать один полный магазин — всего сто пять патронов .338 Лапуа Магнум. Для Глок 17 и Глок 26 у

него имелось лишь сто шестьдесят шесть дозвуковых патронов: в восьми магазинах по семнадцать патронов для семнадцатого и в трёх по десять для двадцать шестого. Плюс два патрона, находившиеся в патронниках пистолетов.

Обычно весь этот боезапас Кеплер израсходовал бы за один день. Значит, количество придётся заменить качеством и повысить уровень стрельбы так, чтобы компенсировать малое число выстрелов.

С винтовкой этого можно было добиться за счёт экстремальных дистанций. Для этого каждый выстрел придётся выполнять предельно тщательно: педантично учитывать все параметры, идеально выставить винтовку и стрелять безупречно. Однажды в Афганистане Кеплер попал из Г22 на дистанции в два километра, для чего патрон .300 Винчестер Магнум вообще не предназначался, но ему понадобилось семь выстрелов: пять — чтобы пристреляться, и один раз он вообще промахнулся. Теперь он хотел добиться двух тысяч пятисот метров — причём из холодного ствола, то есть с первого выстрела. Калибр .338 Лапуа Магнум был мощнее, чем Винчестер, но для таких дистанций тоже не предназначался. Такие выстрелы были чрезвычайно сложны, но возможны. У Кеплера было всего сто пять патронов, чтобы выйти на эту дистанцию. После этого можно будет связаться со Смитом и достать новые.

Кеплер замер. Впервые за две недели мысль о МОБ не вызвала внутри него вспышки ярости.

К этому времени уже наступил поздний вечер. Благодарный за то, что устал, Кеплер лёг спать.

Он сразу уснул и ничего не видел во сне.

Глава 4

Утром второго дня в аутбэке Кеплер после пробежки сел в Форд и поехал в Тилмут-Уэлл. Он хотел купить стейк на ужин.

На этот раз он ехал по ответвляющейся дороге без навигатора и выехал на Танами-роуд перед щитом с предупреждением, что следующая заправка находится в четырёхстах километрах. Съезд к роудхаусу был сразу за ним.

На парковке стояли два роудтрейна и несколько внедорожников. Снаружи никого не было видно. Кеплер зашёл на заправку, потому что, согласно табличке на двери, здесь же находился универсальный магазин Тилмут-Уэлла.

После того как Кеплер представился новым владельцем Солитэри Рэнч, продавец оказался хозяином роудхауса. Его звали Пит, он сразу поприветствовал Кеплера как соседа и с типичной австралийской сердечностью решил познакомить его со всеми присутствующими.

Для этого он отвёл его в Сильвертон — местный паб. Формально он находился в здании роудхауса, но имел отдельный вход.

Сначала Кеплер познакомился с женой Пита Ларой и его дочерью Евой. Лара работала поваром, Ева — барменшей и официанткой. Кеплер дал Еве чуть больше двадцати, а Ларе — около сорока, но они вполне могли бы сойти за сестёр. У обеих были тонкие талии, длинные ноги и упругая грудь. Но если взгляд Лары был просто по-настоящему доброжелательным, то голубые глаза Евы сияли так, словно она осознавала чудо жизни и не могла перестать этому удивляться и радоваться.

Этот блеск напомнил Кеплеру маленькое безымянное озеро в ущельях Афганистана. Тогда, во время отхода, с тяжёлыми рюкзаками, вспотевшие, измученные и со скрипящим на зубах песком, они с наводчиком остановились, и вид кристально чистой воды, сверкавшей на солнце среди каменной пустоши, дал им новые силы.

Лара прервала это воспоминание, сказав, что им с Евой пора возвращаться к работе. Пит познакомил Кеплера с двумя водителями роудтрейнов, которые часто здесь останавливались, и с двумя фермерами из окрестностей. Под конец он привёл механика Роба — приятного мужика лет тридцати пяти, чьи руки и предплечья, казалось, уже невозможно было отмыть от ввевшегося моторного масла. Судя по всему, здесь Роба почитали как римского императора, потому что, по словам Пита, он умел чинить вообще всё.

Все австралийцы были вежливы и дружелюбны, но улыбались при этом довольно открыто и без всякого стеснения. Кеплер догадывался почему. Наверняка, как только он уедет, они начнут делать ставки, сколько он здесь продержится. Вместо того чтобы объяснять, что он приехал надолго, он поставил всем по кругу в честь знакомства. Этим он сразу завоевал симпатию местных.

Все мужчины, кроме Пита, несмотря на ранний час, захотели пива. Пит громко заказал у дочери воду. После того как Лара с довольным видом ушла обратно на кухню, Ева принесла Питу пиво. Кеплер взял свою воду.

Пока австралийцы пили, они дали Кеплеру несколько советов по поводу особенностей жизни в Ред-Сентре. Например — перед сном проверять постель на наличие пауков и змей.

После этого Пит подошёл к двум туристическим парам, которые просто завтракали, и спросил, всё ли у них в порядке. Получив утвердительный ответ, он отвёл Кеплера в соседний отель.

Роудхаус в Тилмут-Уэлле немного отличался от привычной схемы — при отеле был бассейн, небольшая художественная галерея искусства аборигенов, а туристам предлагали экскурсии по аутбэку пешком или на квадроциклах. Кеплер познакомился с сотрудниками отеля и под конец — с его управляющей Уришей, молодой аборигенкой довольно невысокого роста. На

ней были джинсы длиной три четверти, сандалии и лёгкая блузка, не скрывавшая, насколько её хозяйка была хрупкой. Растафарианские дреды обрамляли изящное лицо с любопытными, беспокойными глазами, в выражении которых было что-то неопределённо мечтательное и немного застенчивое. Пит с гордостью объявил, что большинство картин в галерее написаны именно ею, и отвёл Кеплера посмотреть.

Он быстро осмотрел работы. Ребекка Галема была права — в таких вещах он был полным профаном. Однако простое искусство аборигенов среди сурового аутбэка казалось таким богатым, словно пришло из другого мира, и Кеплер чувствовал заключённую в картинах тысячелетнюю мистическую культуру аборигенов. Но ничего сверх этого он не почувствовал и платить за такое искусство тоже бы не стал, хотя оно понравилось ему больше, чем абстрактный экспрессионизм. Чисто с точки зрения ремесла картины были сделаны хорошо.

Пита такая оценка устроила, и они вернулись в универсальный магазин. Кеплер получил свои стейки и поехал домой.

Пока он раскладывал продукты на ранчо, он думал о визите в роудхаус. Люди аутбэка казались ему порядочными. Подружиться с ними Кеплер не хотел, но, похоже, они ему нравились.

Он открыл небольшой шкаф, чтобы убрать туда макароны, но это оказался винный шкаф. Внутри лежала бутылка бургундского. Вино Кеплер однажды уже пробовал и решил больше этого не повторять. Он подумал отдать бутылку в Сильвертон. Но прежде чем тратить дизель и время, ему пришло в голову, что по-настоящему обрадовать соседей можно было бы только бочонком пива, а вино они, скорее всего, не стали бы пить даже из вежливости.

В этот момент на него нахлынуло воспоминание, от которого он сюда сбежал.

Кеплер замер и невидящим взглядом уставился в окно, снова пытаясь понять — Буди погиб из-за его неспособности всё предусмотреть или действительно только из-за случайности и чудовищного невезения.

И он снова пережил ту безмерную безысходность — терять друга и не иметь возможности сделать вообще ничего.

Только смотреть, как Буди умирает у него на руках.

Глава

5

Кеплер пришёл в себя, когда увидел в окне новый белый Мицубиси Аутлендер, который словно возник из ниоткуда и теперь приближался к дому. Удивившись, Кеплер на секунду подумал, что видит мираж среди палящей тишины и дрожащего воздуха аутбэка. Но машина остановилась у крыльца, и из неё вышли два человека.

Обоим было около двадцати с небольшим, оба были болезненно худыми. Большие ботинки выглядели громоздко на их тонких ногах, объёмные шляпы казались огромными на узких головах, а сильные очки — почти гротескными. И всё же оба выглядели как-то снобистски. И совершенно точно так, будто без всякой подготовки полезли покорять аутбэк — оба были рачье-красными от солнца.

Кеплер покачал головой и вышел наружу.

— Добрый день, — поздоровалась женщина. — Это Тилмут-Уэлл? — спросила она, даже не дожидаясь ответа.

По произношению Кеплер понял, что она американка. Она с сомнением огляделась.

— Нет, — ответил Кеплер.

— Э... тогда... можешь показать, где это? — попросила женщина. — Мы хотели посмотреть Лейк-Льюис, но заблудились.

Теперь уже Кеплер посмотрел на неё с недоумением.

Он видел в интернете фотографии солёного озера, располагавшегося неподалёку. Во время сезона дождей Лейк-Льюис выглядел вполне достойно, но сейчас от него остались только толстые неприглядные соляные поля. Бывали люди, которых завораживало более или менее выраженное уродство, но эти двое на таких не походили. И на исследователей тоже.

— Вас привлекают пересыхающие солёные озёра? — скептически спросил Кеплер. — Серьёзно?

— Не обязательно, но это же типичная австралийская туристическая достопримечательность, — ответила женщина. Потом посмотрела на него с сомнением. — Так сказал кассир на заправке Калтекс в Алисе.

Может, так и было. Кеплер жил здесь ещё слишком недолго, чтобы судить. Но одного он не понимал. Озеро находилось практически напротив Тилмут-Уэлла — западнее Танами-роуд. А его ранчо — юго-восточнее.

— Он объяснил вам дорогу? — спросил Кеплер.

— Да, сказал, что через сто сорок километров нужно свернуть с Танами-роуд на запад, там начинаются окраины озера. Потом проехать вдоль них двадцать километров на север к самому озеру, а роудхаус Тилмут-Уэлл будет прямо напротив.

— Всё правильно, — ответил Кеплер и впервые за несколько недель развеселился — он уже понял, что произошло. — Только вы свернули на восток.

— А... — женщина смущённо кашлянула. — Вот оно что...

Аутбэк умудрялся заставлять даже женщин не спорить с очевидным. Даже не пытаться.

— Гениально, — открыто оценил Кеплер. — Или вы решили сэкономить и взяли машину без навигатора?

— Эй, в навигаторах прокатных машин аутбэк не картографирован! — возмутился мужчина так, будто объяснял ребёнку элементарные вещи. — Наш навигатор показывал только жёлтое ничто и «офф роад»!

— Но и стороны света, — парировал Кеплер, но сдержался — злиться на этих двоих смысла не было. — Ладно. Если собираетесь и дальше ездить вне дорог — сначала вернитесь в Алис и купите спутниковый телефон, — посоветовал он. — Если бы у вас ещё и топливо закончилось, и вы не нашли моё ранчо — завтра были бы мертвы. Со спутниковым телефоном хотя бы смогли бы вызвать помощь.

— Спасибо, — задумчиво ответила женщина. Потом возмутилась уже вполне по-американски: — Но почему здесь не работают мобильные? Я даже специально купила двухдиапазонный телефон!

— Это аутбэк, — напомнил ей Кеплер. — Радиоволны здесь далеко не уходят. Здесь свободно распространяется только ультрафиолет.

— Но возле Айерс-Рок работало же! — возразила женщина.

— Во-первых — это уже много лет называется Улуру, — поправил её Кеплер. — Во-вторых — ты здесь где-нибудь видишь достопримечательность?

— Озеро? — язвительно напомнила женщина.

Из-за близости к Тилмуту телефон там действительно мог работать.

— Да. Но вы перепутали запад и восток, — так же ответил Кеплер и смотрел ей в глаза, пока она не отвела взгляд. — Садитесь. Я возьму машину и поеду перед вами до Тилмута. Потому что мне не хочется потом закапывать ваши полустгнившие трупы.

— Мы поняли, — сказал мужчина, а женщина прикусила губу. — Большое спасибо.

— Пожалуйста, — ответил Кеплер.

— Можешь дать холодной колы? — попросил мужчина. — Мы уже два часа умираем от жажды.

Кеплер потрясённо посмотрел на него.

— Ваш запас воды состоял из чего — шести банок колы, которые влезли в холодильник машины? — предположил он. — Сколько вы уже здесь, два дня?

— Три, — ответил мужчина немного упрямо. Потом уже тише добавил: — Извини.

— Да нормально, — ответил Кеплер и показал на стулья и стол на веранде, которые наследники ранчо тоже оставили. — Садитесь.

— Спасибо, — сказала женщина, примирительно улыбнулась и поднялась на веранду. — Я Барбара. А это мой муж Клифф.

— Тогда твоё имя по-латыни означает «чужая», — ответил Кеплер. — Что подходит.

Пока американцы садились, Кеплер зашёл в дом. Он принёс бутылку воды, два стакана и небольшую миску с солью. Поставив всё на стол, он увидел, что Клифф смотрит на него с искренним недоумением.

— А холодной колы нет? — жалобно спросил тот.

Кеплер подавил раздражение от такой беспечности.

— Пейте воду и ешьте соль, — приказал он. — При обезвоживании нарушается электролитный баланс. Тогда можете пить колу хоть ведрами — жажду это всё равно не утолит. И если пить холодное — потеть будете ещё сильнее, потому что организму придётся согреть жидкость. Горячий чай был бы даже лучше. Могу сделать.

Теперь уже виновато глядя, Барбара взяла из миски щепотку соли. Она посмотрела на Кеплера, когда он налил ей стакан воды. Он кивнул. Барбара положила соль на язык, поморщилась и быстро выпила. Потом то же самое сделал Клифф. Кеплер заставил их повторить процедуру.

— Ты был прав, — удивлённо признал Клифф. — Я больше не хочу пить. — Он помолчал. — Чай, думаю, не нужен.

— Пожалуйста, — ответил Кеплер. — Тогда садитесь в машину. В роудхаусе купите много воды и заправьтесь. И подумайте о спутниковом телефоне.

Минуту спустя Клифф уже сидел за рулём Мицубиси.

Кеплер пошёл за Фордом.

Когда роудхаус уже оказался в пределах видимости, Кеплер остановился, опустил стекло и показал в ту сторону.

Проезжая мимо, Барбара и Клифф с улыбкой помахали ему. Кеплер коротко ответил тем же, поднял стекло и развернулся.

Глава 6

Тренировками Кеплер мог заполнить свои дни. А чтобы по вечерам отвлекаться от воспоминаний, в Сиднее он купил ноутбук. И поскольку мобильная связь в Австралии хорошо работала только в городах и существовала вдоль крупных шоссе — чтобы попавшие в беду туристы могли вызвать помощь, — а в аутбэке не было даже намёка ни на неё, ни на кабели, интернет Кеплеру приходилось получать из космоса.

Для этого в магазине Турайя он заплатил четыре тысячи долларов за IP-модем и ещё шестьсот — за первый пакет на пятьсот минут. Сеть этого спутникового оператора, в отличие от Иридиум, покрывала только часть поверхности Земли. Но звонить Кеплер не собирался — и звонить ему тоже было некому. Ему вполне хватало того, что в аутбэке можно выйти в интернет. Под стать астрономическим ценам, «Турайя» было арабским названием звёздного скопления Плеяды.

С момента приезда на ранчо Кеплер утром и вечером проверял электронную почту — не доставили ли спортивные снаряды.

Соответствующее письмо пришло вечером третьего дня.

Утром четвёртого дня, сразу после пробежки и душа, Кеплер выехал, даже не позавтракав. Поэтому в Алис-Спрингс он приехал слишком рано — большинство магазинов и лавок в Австралии открывались только в девять.

Кофе Кеплер нашёл уже в одном бистро.

И вместе с ним получил одно наблюдение.

Он не выглядел как турист, и Барбара с Клиффом приняли его за австралийца, несмотря на африканский акцент, но хотя он произнёс всего пять слов — пожелал доброго утра и заказал кофе — продавщица в бистро сразу определила в нём приезжего. Дружелюбно она посоветовала ему взять к кофе ламигтон. Она расхвалила этот бисквитный пирог с шоколадом и кокосом как ту самую австралийскую особенность, от которой без исключения все приходят в восторг. Кеплер последовал примеру бесчисленных туристов до него. Пирог и правда оказался очень вкусным.

В десять Кеплер забрал спортивные снаряды.

Он был по-настоящему рад снова выйти из почтового отделения. Сотрудник, который его обслужил и погрузчиком задвинул вещи в кузов Форда, был, конечно, приветливым, но с языковой точки зрения — настоящим палачом.

Местный английский, называемый «оззи-страйн», содержал выражения, которые Кеплеру ещё предстояло выучить, например «олдиз» вместо «родителей». Потом, вероятно потому, что австралийцы на своём гигантском континенте каким-то образом искали связь с чем-то маленьким, они без всякой системы уменьшали вообще всё. По дороге в Алис-Спрингс Кеплер в одном городке видел, как на «барби» вместо «барбекью», будто между делом, зажарили средних размеров коровье стадо. Дело не могло быть в том, что на жаре австралийцам просто не хотелось мучиться с большим количеством слогов, потому что они непрерывно вставляли в речь спасибо и пожалуйста, а «дарлинг» и «май-лав» говорили даже совершенно незнакомым людям. Должны были существовать другие мистические причины обрывать каждое слово на середине и прилеплять к оставшемуся обрубку «и» или «й», а в случае сомнительных личностей вроде журналистов и вегетарианцев — «о».

Со всем этим Кеплер ещё справлялся. Но шамканье было жестоким. И чем дальше в глубь страны, тем беспощаднее оно становилось. Сотрудник почты шамкал с таким воодушевлением, словно от этого зависела его жизнь.

Снаружи Кеплер глубоко вдохнул и подождал, пока его перегруженное языковое чутьё снова успокоится. Тем временем он огляделся.

Его взгляд упал на вывеску на здании по диагонали напротив. Простые буквы сообщали, что здесь принимает врач.

Поддавшись внезапному порыву, Кеплер пошёл туда.

Очереди в клинике не было, но три помощницы врача выглядели очень занятыми. Командовала всем худощавая решительная женщина лет сорока. После того как Кеплер выразил желание пройти полное обследование, помощница некоторое время подумала. Потом каким-то удивительно доброжелательным тоном спросила про деньги. Кеплер протянул ей свою Виза, затем заполнил анкету и после этого был проведён в лабораторию.

Если не считать полного сканирования тела, Кеплер прошёл все необходимые для широкой диагностики обследования — включая нагрузочный тест, ЭКГ, мазки и забор всех биологических жидкостей.

После этого он чувствовал себя более вымотанным, чем после двадцатикилометрового перехода по джунглям. Помощница назначила ему точное время приёма через неделю — ровно в одиннадцать часов.

Кеплер вышел из клиники и поехал в ближайший строительный магазин. Там он купил таль и пятнадцать килограммов быстросохнущего цемента. После этого заправился и поехал на своё ранчо.

Глава 7

Глок 26 лежал на пассажирском сиденье готовым к стрельбе. Не потому, что Кеплер боялся, будто кто-то найдёт его и попытается привлечь к ответственности за то, что он сделал в Африке, или где-то ещё. Глок 26 он всегда держал при себе совсем по другой причине. Пистолет не заменял ему Буди, но для Кеплера всё же был чем-то вроде друга.

Он инстинктивно потянулся к пистолету, когда увидел свежие, хотя уже наполовину занесённые ветром следы шин. На ответвляющейся дороге от Танами-роуд к его ранчо никому нечего было делать, поэтому следы выглядели просто неестественно. Оставить их не могли даже заблудившиеся чудаки вроде Барбары и Клиффа — такие бы поехали прямо через самое непроходимое место вместо того, чтобы пользоваться хоть каким-то подобием дороги.

Кеплер засунул уже нагретый на солнце Глок под правое бедро.

Следы оставил Лэнд Крузер австралийской полиции.

С дружелюбием визит двух полицейских, которых Кеплер увидел у себя во дворе, не имел ничего общего — судя по всему, они были здесь по службе. Увидев Форд, они встали рядом друг с другом справа от своего белого внедорожника Тойота. Оба положили руки на Глоки в кобурах на поясе и не сводили с Кеплера глаз. Он убрал Глок 26 обратно в набедренную кобуру, демонстративным движением положил обе руки сверху на руль и плавно затормозил. Медленно подъехал к полицейским, которые непрерывно за ним наблюдали, и остановился.

Полицейскому слева было около шестидесяти. Он был без солнцезащитных очков и оказался одним из немногих сильно загорелых австралийцев, которых Кеплер пока видел — большинство жителей этого континента защищались от солнца одеждой и кремами. Полицейский был сухощавым, слегка коренастым и смотрел быстро и внимательно. Искривлённая спина говорила о тяжёлой травме. Судя по всему, её последствия он ощущал постоянно — лицо полицейского будто бессознательно застыло в постоянной боли.

Его коллега позади был моложе и светлее, но казалось, что характер у него тот же немного грубоватый, как у мужчин аутбэка.

Кеплер не двигался, и три секунды они изучали друг друга. Губы молодого полицейского шевельнулись, и старший пошёл вперёд.

Кеплер посмотрел на него, когда тот открыл дверь машины. Взгляд полицейского недоверчиво впился ему в глаза, потом осмотрел салон.

— Мистер Люгер? — сдержанно спросил полицейский.

— Да.

— Заглушите двигатель и выйдите. Медленно, сэр.

Фраза прозвучала как недвусмысленный приказ, но из-за обращения Кеплер немного расслабился.

Он заглушил двигатель и вышел, держа обе открытые руки перед грудью. Старший полицейский продолжал его разглядывать, потом убрал руку с оружия. Его молодой коллега подошёл ближе. Руку с Глока он не убрал. Кеплер кивнул ему и опустил руки.

— Я офицер Грэм, — представился старший полицейский и слегка качнул головой в сторону младшего. — Это офицер Боуи. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, мистер Люгер.

Несмотря на попытку говорить нейтрально, в голосе полицейского слышалось напряжённое неприятие. Будто он ещё не мог его обосновать, но уже был уверен, что оно оправдано.

— Спрашивайте, — ответил Кеплер.

Полицейский достал несколько карточек. Две из них протянул Кеплеру. Это были увеличенные копии фотографий из паспортов Барбары и Клиффа. Кеплер быстро взглянул на

снимки и вернул их. Грэм, всё это время буквально следивший за его лицом, молча забрал карточки и протянул ещё две. Снова увеличенные паспортные фото, снова пара. Ни мужчину, ни женщину Кеплер никогда в жизни не видел. Он вернул карточки.

— Первые — Барбара и Клифф, их фамилии я не знаю, — сказал он прежде, чем Грэм успел спросить. — Они заблудились. Я дал им воды, потом проводил до Тилмута, чтобы они могли вернуться в цивилизацию.

— Верно, — прокомментировал Грэм. — А эти двое?

— Никогда не видел.

— Уверены? — сразу же спросил он с подозрением.

— Абсолютно, — подтвердил Кеплер. — Можно спросить, что вообще происходит?

— Конечно, — ответил Грэм. — Он убрал фотографии в левый нагрудный карман и пристально посмотрел Кеплеру в глаза. — На них напали и ограбили

Теперь стало понятно, почему Боуи держался за Глок.

— Почему вы думаете, что я к этому причастен? — спросил Кеплер.

— С чего вы взяли? — спросил Грэм. — Я такого не говорил.

— По тому, как вы оба себя ведёте, даже дилетанту сразу ясно, что вы меня подозреваете, — ответил Кеплер.

— А вы профессионал? — спросил Грэм.

— Больше, чем вы, если вы ещё не читали моё дело, — ответил Кеплер. — Там написано, что в ЮАР я служил в полиции.

Грэм скривил губы в подобии улыбки.

— Красиво сказано, — заметил он. — Только оба нападения произошли не очень далеко отсюда. Первое — вечером во вторник, второе — в четверг после обеда. — Его взгляд стал жёстким. — И сколько времени вы здесь живёте?

— С прошлого понедельника, вы это и так знаете, — ответил Кеплер. — Что, Барбара и Клифф меня прямо опознали?

— Они и ещё двое потерпевших показали, что грабителей было двое и они были в масках, — начал Грэм спокойно.

— У вас двоится в глазах? — перебил его Кеплер. — Видите меня и ещё раз меня?

— Барбара описала одного из грабителей как невысокого спортивного мужчину, вежливого и высокомерно-саркастичного, — Грэм не отреагировал на вопрос и продолжил, не отводя взгляда от Кеплера. — Этот тип с подчёркнутой любезностью засунул ей в рот ствол дробовика, пока второй требовал у Клиффа банковские карты и пароли. Тот, разумеется, сразу всё отдал. После этого первый официально поблагодарил, и оба исчезли.

— Это действительно так было или вы пытаетесь вызвать у меня реакцию? — прямо спросил Кеплер.

— И то и другое, — на этот раз так же прямо ответил Грэм и безрадостно улыбнулся. — И Барбара сказала, что вы вели себя точно так же, как тот невысокий грабитель.

— Она меня испугалась? — удивился Кеплер.

— Вот вы мне и скажите, — предложил Грэм.

— Думаю, нет, — ответил Кеплер. — Но вы ведь не просто мельком просмотрели моё дело? Или там не было сведений от АНЗ о количестве цифр до запятой на моём счёте?

— Были, — довольно резко ответил полицейский, возможно, именно поэтому. — Но вы не единственный, кто по непонятным причинам сбежал в наши края. И даже не единственный бывший военный. — Он достал из кармана ещё одну фотографию. — Этого вы тоже не знаете?

Кеплер бросил взгляд на плохо выбритое лицо. В остальном мужчина даже был на него похож, только выглядел массивнее.

— Когда солдаты не справляются с гражданской жизнью, они обычно спиваются, — тем же тоном ответил Кеплер. — А вы учли в своих рассуждениях тот факт, что в Алисе второй по

величине уровень преступности и самый высокий уровень убийств в стране? — спросил он. — И что по всей Северной территории хозяйничают преступные мото клубы?

— Для таких нападений они подошли бы идеально, — согласился Грэм. — Использовать этот факт как прикрытие для нападений — было бы умно, нет?

— Слишком тонко, — язвительно ответил Кеплер. — Или слишком очевидно.

— Примерно так же, как то, что вы не приглашаете нас в дом? — поинтересовался Грэм в провокационно-колком тоне.

— Хотел сделать это раньше, — ответил Кеплер, — но теперь уже нет. — Он коротко усмехнулся, заметив вспышку в глазах полицейского. — Предлагаю другое — хотите обыскать моё ранчо?

Этого Грэм не ожидал. Но мгновенно взял себя в руки и спрятал удивление за кривой безрадостной улыбкой.

— Вы разрешаете нам это совершенно добровольно?

— Я даже настаиваю, — подтвердил Кеплер.

Из-за Эрмы и Глок 17 он не переживал — оружие, боеприпасы и глушители для винтовки и пистолета он спрятал под верандой. Место было почти очевидным, но именно поэтому и относительно безопасным — пока не появятся основания искать. К тому же Кеплер аккуратно снял доску и так же тщательно поставил её обратно.

Грэм кивнул коллеге. Боуи ответил тем же и протянул руку. Кеплер отдал ему связку ключей. Под внимательным взглядом Боуи он остался стоять рядом с Фордом, пока Грэм быстрым шагом направился в дом.

Ему понадобилось меньше двадцати минут. Но дом был почти пуст, а профессионал умеет работать эффективно. Грэм производил впечатление человека, который это умеет. Когда он вышел, лицо у него было недовольным. Он остановился и внимательно осмотрел пол веранды. Потом медленно пошёл налево, не отрывая взгляда от досок. В конце веранды, именно там, где Кеплер спрятал оружие, полицейский замедлил шаг. Ненадолго замер. Но все доски там выглядели так же, как остальные. Грэм пошёл в противоположный угол.

Кеплер покосился на Боуи. Тот всё так же неподвижно и не моргая наблюдал за ним. Охотник. Причём хороший.

Грэм стоял в углу веранды, опустив голову. Вдруг быстрым движением поднял её и посмотрел на Кеплера. Он спокойно выдержал взгляд. Грэм вернулся. Обыскивать сарай и помещение с генератором он не стал. Подошёл к Кеплеру и молча вернул связку ключей, никак не прокомментировав обыск.

— Где вы вообще были последние дни? — глухо спросил он.

— В основном в Алис-Спрингс, остальное время здесь, — правдиво ответил Кеплер.

— Кто-нибудь может это подтвердить? — поинтересовался Грэм.

— Разве что какие-нибудь насекомые, — насмешливо ответил Кеплер.

— Ладно, — фыркнул Грэм. — Осторожнее со мечом, ладно.

Не сказав больше ни слова, он пошёл к Тойоте. Боуи, всё ещё держа руку на пистолете, с бесстрастным лицом сел в машину. Оставляя за собой шлейф пыли, Лэнд Крузер уехал.

Кеплер проводил машину взглядом.

Бесконечная красная равнина вокруг него, уходившая вдаль, казалась другой планетой. Других планет Кеплер, правда, не знал, но безрадостную представлял себе именно так. Здесь всё ощущалось иначе, чем в Африке. Даже жара.

Всё остальное, казалось, осталось прежним — спустя всего две недели в Австралии Кеплер снова почувствовал над собой тяжёлую тёмную тень своей судьбы. Он упрямо поднял голову.

— Эй, Австралия. Я такой, какой я есть, и всегда таким буду, — тихо и твёрдо сказал он.
— Но тебя это не касается. Вообще никак. Так что оставь меня в покое.

Глава 8

Грэм положил вакидзаси, который лежал в шкафу, на кровать. Эта скрытая игра Кеплера не заинтересовала, но он решил получше спрятать своё оружие.

Меч он оставил лежать и вышел наружу. Загнал Форд задним ходом в сарай, закрепил таль на потолочной балке и выгрузил тренажёры, потом — мешки с цементом. Для его первоначального замысла хватило бы пятнадцати килограммов, но теперь ему требовалось ещё десять.

Поэтому после разгрузки Кеплер поехал в Тилмут-Уэлл.

После первого знакомства, когда Кеплер представился, дружелюбная улыбка Пита стала по-настоящему тёплой. Чуть позже то же произошло и с другими жителями Тилмут-Уэлла. Теперь же Пит выглядел даже не сдержанным, а откровенно неприветливым. И, похоже, сожалел лишь о том, что не может запретить Кеплеру заходить в свой магазин.

Вообще-то Кеплер просто не хотел ехать в Алис-Спрингс. Но теперь, возможно, ещё можно было чего-то добиться.

— Привет, Пит, — поздоровался он с нарочитой беззаботностью, закрывая дверь.

— Люгер, — отрывисто пробормотал хозяин магазина.

Вообще-то фамилию Кеплера он знать не мог. По крайней мере, в воскресенье она его совершенно не интересовала. А теперь он скрывал внезапно возникшую неприязнь не больше, чем несколькими днями раньше скрывал дружелюбие. Кеплер догадывался почему. Здесь, среди бескрайних и враждебных просторов аутбэка, люди были консервативны по вполне определённой причине. Это был защитный рефлекс — ради самих себя и той маленькой общины, в которой они жили. Скрытый намёк уйти из магазина Кеплер проигнорировал.

— Мне нужно десять килограммов быстротвердеющего цемента, — сказал он.

— Зачем? — насторожённо спросил Пит.

— Не твоё дело, — сухо ответил Кеплер. — У тебя есть?

Пит будто подавил желание потянуться к телефону. Потом несколько секунд смотрел на Кеплера так, словно размышлял, не достать ли дробовик из-под прилавка и не пристрелить ли его прямо здесь. Но вместо этого молча развернулся и ушёл в глубину магазина. Через минуту вернулся с серо-синим мешком на левом плече и бросил его Кеплеру под ноги, даже не проверив, не завалится ли тот на него. После этого Пит ушёл за прилавок. Кеплер достал кредитную карту. В Австралии такой способ оплаты был обычным почти везде, кроме совсем уж мелких сумм. Пит посмотрел на него так, словно тот его оскорбил.

— Сегодня только наличными, — холодно потребовал он.

Кеплер недоверчиво посмотрел на него. Тот выдержал взгляд, не изменившись в лице, и коротко кивнул в подтверждение.

Современные способы оплаты обычно были очень удобны. Но ещё солдатом Кеплер усвоил: наличные нужно иметь при себе всегда. За линией противника нельзя было в случае необходимости купить у гражданского кредитной картой ни кусок хлеба, ни куртку, ни даже просто его молчание. Людей приходилось либо убивать, либо платить им долларами. Четвёртым действием Кеплера после прибытия в Австралию было раздобыть три тысячи местных долларов разными купюрами.

— Ладно, Пит, — легко сказал он, растёгивая молнию правого кармана на штанах и доставая пачку денег. — Сколько?

— Сто семьдесят пять, — невозмутимо ответил тот.

В аутбэке всё стоило дороже, чем в городах, но здесь цена была завышена слишком явно и нарочно. Кеплер это никак не прокомментировал. Он отсчитал сто восемьдесят долларов и положил купюры на прилавок.

— Не утруждайся со сдачей, Пит, — сказал он. — Оставь себе.

Он закинул мешок цемента на плечо, подошёл к двери и открыл её ударом ноги. Когда он укладывал покупки в кузов Форда, то посмотрел через плечо. Пит стоял у окна и наблюдал за ним. В чуть приподнятой левой руке он держал микрофон громкой связи от рации.

Пока Кеплер копал пол в сарае, он ждал, что приедет Грэм. Но время шло, а тот не появился.

Покупая цемент, Кеплер рассчитывал через Пита спровоцировать Грэма приехать. Он хотел, чтобы полицейский увидел, для чего ему нужен цемент, и успокоился. После этого можно было бы спокойно заняться тайником для оружия. Теперь же приходилось спешить — вдруг Грэм всё-таки появится с ордером и перевернёт ранчо вверх дном.

Пока было время, Кеплер пошёл в сарай с генератором. Сначала он собирался устроить тайник где-нибудь наугад за пределами ранчо, но потом вспомнил, что бетонные основания генератора и дизельного бака в генераторном сарае вплотную подходили к задней стене. Кеплер измерил расстояние между ними и их высоту. Вернувшись в сарай, он разобрал перегородку в дальнем левом углу. До заката сколотил из досок два деревянных ящика. Если поставить их рядом, по ширине они точно заполняли пространство между двумя основаниями. По высоте и длине каждый ящик был на десять сантиметров ниже и короче оснований. Открытой у каждого оставалась только одна торцевая сторона.

Наступила ночь. Теперь Кеплер оказался уязвим. Из генераторного сарая просматривалась лишь небольшая часть ранчо, и если Грэм подъедет с севера, запада или востока, Кеплер заметит его слишком поздно. Но рискнуть пришлось — тайник нужно было делать сейчас. Поэтому цемент он замешал в сарае. Если появится Грэм, можно будет сказать, что он просто хотел взять второй мешок из генераторного сарая. Но если у Грэма окажется ордер и он захочет обыскать сарай — всё кончено.

Хотя, возможно, Кеплер просто себя накручивал. Не исключено, что ни Пита, ни полицию вообще не интересовало, для чего он купил цемент.

Кеплер установил деревянные ящики между основаниями генератора и дизельного бака так, чтобы их открытые стороны упирались прямо в заднюю стену и закрывались четырьмя её досками. Потом с помощью гвоздодёра из гаража отсоединил их изнутри. После этого сдвинул ящики в окончательное положение и накрыл старым одеялом из сарая, чтобы внутрь попало как можно меньше цемента. Сделать ящики совсем без щелей не получилось — у него не было ни циркулярной пилы, ни времени точно подгонять доски. Из гаража Кеплер принёс металлический лист. Его он привязал верёвкой перед основаниями генератора и дизельного бака. Затем замешал цемент и залил им ящики. После этого выровнял поверхность так, чтобы над ящиками цемент оказался вровень с обоими основаниями. Как только цемент перестал быть жидким, Кеплер накрыл его пластиковой плёнкой, в которую были завернуты тренажёры, чтобы он быстрее высох. Потом запер генераторный сарай. Но работа была ещё далеко не закончена — нужно было дождаться, пока цемент хотя бы частично схватится, прежде чем продолжать.

Кеплер потянулся. И тут его пробрал озноб. Днём он вспотел, а после наступления темноты температура резко и сильно упала. Было странно видеть пар изо рта в одном из самых жарких мест планеты.

Тут в рассеянном лунном свете он заметил движение метрах в тридцати справа. Но это оказалось всего лишь сумчатое животное, которое копалось в земле. Оно прервало раскопки и принялось. Запах человека оно либо не знало, либо просто было голодным и Кеплер его

совершенно не интересовал — зверёк сразу же снова яростно принялся рыть. И не зря: вскоре он вытащил на лунный свет какое-то чудовищное насекомое. Через секунду Кеплер услышал хруст его панциря.

— Приятного аппетита, — тихо пожелал он и пошёл в сарай.

Там он забетонировал металлическое основание макивары. Потом подвесил массивный мук-ян-чжон на таль. Так Кеплер мог один спокойно выставить его и не торопясь забетонировать крепление. После этого в задней трети сарая он подвесил боксёрский мешок. Теперь места хватало и для тренировок на снарядах, и для упражнений с мечом, и для боя с тенью.

Работа заняла гораздо больше времени, чем он рассчитывал, и Кеплер вымотался полностью. Он съел шесть яичниц-глазуний, выпил три чашки кофе и пошёл в генераторный сарай. Цемент тайника ещё не высох окончательно, но поверхность уже стала довольно твёрдой. Кеплер убрал металлический лист и плёнку. Теперь пространство между основаниями генератора и бака было заполнено так, что казалось, будто все три бетонных блока изначально составляли одну конструкцию — если не считать того, что новый цемент был гораздо светлее. Чтобы сравнить оттенок, Кеплер два часа втирал в него и в оба бетонных основания моторное масло, дизельное топливо и пыль. После этого основания и тайник между ними выглядели как единое целое. А крепления генератора и дизельного бака в основаниях должны были экранировать оружие в тайнике от металлодетектора. Напоследок Кеплер укоротил гвозди у снятых досок задней стены сарая так, чтобы они удерживали доски на месте, но сами доски можно было без усилий снять и слегка отвести в стороны. Поскольку снимал он их изнутри, снаружи стена выглядела совершенно нормально. Кеплер принёс Эрму, Глок, патроны и глушители, уложил всё в деревянные ящики и закрыл тайник.

Лишь вернув инструмент в гараж, он с облегчением выдохнул. Теперь он наконец расслабился и возможного обыска больше совершенно не боялся. Шатаясь от усталости, он принял душ и, ничего не поев, рухнул в кровать. Он проспал остаток дня и следующую ночь.

Глава 9

На следующее утро после пробежки Кеплер сел в Форд и начал объезжать своё ранчо по расходящейся спирали, подыскивая место для стрельбы из Эрмы. Всего в тринадцати километрах к западу он нашёл восемь эвкалиптов — достаточно толстых, чтобы выдержать прямое попадание винтовочной пули.

На следующий день Кеплер достал винтовку из тайника. Вместо утренней пробежки он отправился к эвкалиптам. Через два часа он лежал на красной земле аутбэка ровно в двух тысячах метров от них.

Калибр .338 Лапуа Магнум, или по метрической системе 8,6×70 мм, разрабатывался для боевых дистанций до полутора тысяч метров. Под углом тридцать четыре градуса пуля баллистически могла улететь и на четыре километра, но попасть из .338 в цель дальше двух километров означало либо чистую удачу, либо весёлое гадание — либо крайне тщательно подготовленный и точно выполненный выстрел.

Кеплер отключил все ощущения и мысли, не связанные с винтовкой, эвкалиптом и расстоянием между ними. Но окружающее он при этом прекрасно воспринимал — не делать этого в реальной обстановке означало смерть. Во всём остальном его наполняло сосредоточенное спокойствие, отсекавшее всё, что могло повлиять на выстрел.

И всё же на подготовку ушёл целый час. Лишь убедившись абсолютно во всём, он выстрелил.

Потом опустил ствол. Падение траектории на такой дистанции было огромным, и для компенсации пришлось взять очень большое превышение. Одновременно он увеличил кратность и посмотрел на цель — крайний левый эвкалипт с приметной веткой, отходившей от ствола примерно в метре над землёй. Её основание Кеплер и выбрал точкой прицеливания. Он поймал цель взглядом — и одновременно пуля преодолела два километра. Она попала всего примерно на два сантиметра ниже основания ветки.

Кеплер не почувствовал никакого покалывающего взрыва где-то в животе, отголосок которого приносит несколько секунд опьяняющего ощущения, а потом радостно перехватывает горло. Это совершенно точно не было счастьем — счастье подразумевает случайность.

То, что почувствовал Кеплер, было совершенно рациональной, спокойной и тихой уверенностью. Она не сбивала дыхание и не затуманивала чувства. Она освобождала. С тех выстрелов из Эрмы во время освобождения заложников прошло уже немало времени, но он всё ещё точно помнил, как ведут себя винтовка и патроны. И всё ещё умел правильно задавать параметры выстрела.

Почти двадцать лет Кеплер жил только ради того, чтобы быть бойцом и снайпером. И после всего, что в последнее время пошло не так и закончилось жестоко, возвращение этой холодной уверенности в себе, этой веры в самого себя и в своё мастерство — было подарком.

Кеплер знал, что повторит попадание. Но сейчас ему этого знания оказалось недостаточно, и совершенно иррационально ему захотелось пережить это ещё раз — хотя тем самым он уменьшал и без того жалкий запас патронов .338 Лапуа Магнум. Зато можно было проверить, как поведёт себя Эрма на этой дистанции после прогрева ствола.

Это была всего лишь отговорка, чтобы выстрелить ещё раз, и ещё прежде, чем Кеплер решил больше никогда не брать с собой больше одного патрона, его правая рука уже рефлекторным движением обхватила рукоятку затвора и подняла её влево вверх. Раздался тихий металлический щелчок — запирающие ствол открылись. Кеплер отвёл затвор назад. В крайнем заднем положении пустая гильза сорвалась с выбрасывателя и коротко блеснула, вылетая через

верхнее окно ствольной коробки. Кеплер двинул затвор вперёд. Следующий патрон вышел из магазина и вошёл в патронник. Поворот рукоятки вправо снова запер ствол. Эрма опять была готова к выстрелу.

Группа из восьми эвкалиптов выглядела как тёмная точка. Кеплер припал к прицелу. На максимальной кратности деревья уже различались по отдельности. Основные параметры выстрела оставались прежними, нужно было лишь учесть нагретый ствол — трение между ним и пулей теперь станет чуть меньше. Кеплер уменьшил превышение по высоте на три миллиметра, ещё раз проверил остальные параметры, слегка опустил приклад, возвращая ствол на нужную высоту, и начал спокойно выдыхать. Его правый указательный палец согнулся после очередного удара сердца.

В следующее мгновение Кеплер прервал выполнение выстрела, поставил винтовку на предохранитель и посмотрел вверх прицела в сторону крошечной рожицы. Её накрыло облако пыли, поднятое маленьким вертолётком, который сел неподалёку от восьми деревьев.

В Австралии вместо лошадей и автомобилей скотоводы часто пользовались мини-вертолётками. Пока винт останавливался и оседала пыль, Кеплер размышлял, зачем сюда прилетел стокман — так называли австралийских ковбоев. Потому что, кроме песка и восьми эвкалиптов, вокруг не было вообще ничего. Хотя вообще-то было. Деревья не растут просто так посреди пустыни. А там, где они всё-таки растут, есть вода. Здесь источник был подземным, и стокман должен был быть местным и знать это.

Тот выбрался из вертолёта, подошёл к дереву и на ходу расстегнул джинсы. Теперь посадка обрела смысл.

А поскольку один мужчина не смотрит, как другой справляет нужду, Кеплер перевёл винтовку на вертолёт. Как солдат ВВС, он хранил в своей огромной памяти технические данные большинства военных летательных аппаратов и многих гражданских. Он знал, что на крупных австралийских скотоводческих фермах чаще всего используют Робинсон Р22 — небольшой, очень манёвренный вертолёт с поршневым двигателем. Он уступал турбине по мощности, зато быстрее реагировал на газ, стоил дешевле, проще обслуживался и потому был почти идеальной машиной для перегонки скота. Но синий вертолёт у деревьев хоть и был двухместным, имел тонкую хвостовую балку, посадочные полозья и двухлопастный винт, но это совершенно точно был не Р22. У того фюзеляж был закрыт не полностью, а здесь — полностью. Эту модель Кеплер не знал.

Тем временем стокман вернулся к вертолёту. Но вместо того чтобы улететь, закурил и уселся в открытую дверь кабины. Похоже, летающий скотовод решил устроить перерыв. При этом он курил одну за другой. Хотя его всё время трясло от затяжных приступов кашля, он уже сворачивал следующую сигарету. Кеплер уже хотел подойти и спросить, не пристрелить ли его. Это, конечно, привело бы к смерти быстрее, чем никотин, зато наверняка гораздо менее болезненно.

Вдруг стокман снял с пояса маленькую рацию и приложил к уху. Потом уронил пачку табака, пока доставал из вертолёта вторую рацию. Он побежал за пачкой, которую ветер уже унёс на несколько метров, наступил на неё и некоторое время разговаривал, судя по всему, одновременно с обоими собеседниками. Потом повесил обе рации на пояс, прикурил сигарету и жадно затянулся. После этого опустился на колени и спас пачку с этим ядовитым растением. Став заметно спокойнее, свернул следующую сигарету. Когда он выкурил её и ещё одну и уже сунул в рот следующую, разговор пришлось продолжить — снова по двум рациям сразу. На этот раз недолго. Он побежал к вертолёту, ещё раз затянулся, выплюнул сигарету и залез внутрь.

Через несколько секунд порыв ветра донёс до Кеплера вой двигателя, раскрученного до высоких оборотов. Похоже, стокман спешил, но жара мешала мотору — вертолёт тяжело

оторвался от земли, медленно и неуверенно поднялся на несколько метров и какое-то время шатался в воздухе.

Потом опустил нос и, с трудом набирая скорость, с натужным стрёкотом полетел на запад — к Танами-руд, находившейся в четырёх километрах. Кеплер сопровождал его взглядом через прицел.

Когда вертолёт должен был оказаться совсем рядом с дорогой, он вдруг исчез. Кеплер вскочил, соображая, бежать ли в Тилмут и сообщать о катастрофе или к самому вертолёту — помогать. В следующее мгновение он снова увидел его. Ещё тяжелее, чем раньше, вертолёт теперь летел низко над землёй — прочь от Танами-руд, в бесконечную пустыню. Дважды он проседал, будто был перегружен или двигатель начинал захлёбываться. Но не упал и через несколько секунд растворился в синеве.

С облегчением Кеплер снова лёг на землю.

Но теперь стало настолько жарко, что от высохшей земли непрерывно поднимались волны раскалённого воздуха. Это марево искажало линии сетки прицела и саму цель. Надёжный выстрел стал невозможен.

Как тогда, когда Абуди всё разрушил. И как тогда, когда погиб Буди.

И несмотря на холодную пустоту внутри себя, Кеплер почувствовал невыразимую потерю.

Глава 10

На следующий день Кеплер был рад, что ему нужно было ехать в Алис-Спрингс. Ему требовалось отвлечься — в последнее время в голову всё чаще лезли совершенно idiotские мысли.

Когда впереди показался Тилмут-Уэлл, Кеплер машинально бросил взгляд на указатель топлива, хотя знал, что дизеля ему хватит и до Алис, и обратно. К тому же в городе он стоил дешевле. Но за один мешок цемента он заплатил как за три, и хотя с учётом обстоятельств не держал на Пита зла за его поведение, сам он ничего не сделал и прятаться не собирался. Это тоже должно было быть ясно.

Когда Кеплер остановился у дизельной колонки, он увидел, что Пит с любопытством смотрит в окно. В следующее мгновение австралиец исчез. Кеплер вышел, взялся за пистолет заправки и одновременно услышал звон дверного колокольчика. Кроме него никого не было, значит, дверь открыли изнутри. Кеплер зафиксировал рычаг подачи топлива и опёрся плечом о машину. Потом послышались быстрые шаги.

И в следующий момент Кеплер удивился, потому что Пит, остановившийся перед ним, выглядел не возмущённым, а дружелюбно улыбался.

— Привет, Джо, — поздоровался он немного смущённо.

— Пит, — нейтрально ответил Кеплер и указал на табло с ценами. — Хочешь сказать, что это опять не для меня и на этот раз попробуешь взять в пять раз больше?

— Нет, — ответил Пит смущённо, но открыто посмотрел ему в глаза. — Прости за тот раз, Джо, — сказал он прямо. — В качестве извинения я приготовил нам внутри по стабби. Пойдём выпьем.

Предложение выглядело абсолютно искренним и подразумевало явно больше, чем просто ледяную бутылку пива в пенопластовом стакане.

Удивлённый, Кеплер снял солнечные очки. Пит выдержал его изучающий взгляд немного неловко, но твёрдо.

— Подожди. — Кеплер вынул заправочный пистолет и повесил его обратно. — Пит, что происходит? — спросил он, закрывая бак. — Я знаю, что Грэм уверен, будто это я ограбил туристов, а значит, и ты так считаешь. Не знаю, почему ты тогда меня не пристрелил — из порядочности, потому что у Грэма не было доказательств, или потому что иначе он тебя даже как своего приятеля отправил бы в тюрьму. — Он посмотрел Питу в глаза. — Так почему ты вдруг хочешь угостить меня пивом?

Похоже, Пит даже испытал облегчение от того, что Кеплер спросил настолько прямо. Он больше не мялся, посмотрел на него открыто и словно освободился.

— Ты ещё не успел отъехать, как я уже связался с Грэмом, — честно ответил он. — Хотел сказать ему, что ты опять задумал какую-то мутную историю. — Он усмехнулся. — Но никакой мутной истории не было. Ты просто хотел нас немного спровоцировать, так ведь? — Пит снова посерьёзnel. — Я это понял, потому что Грэм как раз в тот момент мчался на полной скорости к следующему месту преступления. Снова ограбили двух туристов. Точно так же.

— И? — спросил Кеплер.

— Время и расстояние не сходятся, — ответил Пит. — Ты просто не мог это сделать, а потом приехать сюда. — Он снова улыбнулся. — Я твоё алиби, Джо. — Пит подмигнул. — И с удовольствием. Вид у тебя такой, будто ты способен топить рыб, но вообще-то ты, похоже, нормальный мужик. — Он протянул руку. — Прости, Джо. Правда.

Похоже, Пит был так же искренне рад снова хорошо относиться к Кеплеру, как до этого без всяких оговорок его терпеть не мог. И для того, и для другого у него была причина. Он просто был честным человеком. Таким-же было и его крепкое рукопожатие.

— Спасибо за предложение, Пит, но не могу, — сказал Кеплер. — Мне нужно в Алис, у меня там встреча.

— Без проблем, Джо, — ответил Пит. — Тогда сделаем это, когда будешь ехать обратно, — постановил он таким тоном, который не оставлял места для возражений.

— Постараюсь, — неопределённо уклонился Кеплер.

Он достал пачку денег.

Взгляд Пита стал бешеным.

— Джо, только убери деньги, — предостерегающе прошипел он. — Как думаешь, насколько больше ты заплатил за тот цемент, а?

Жители аутбэка были до крайности консервативны — в том числе если они меняли мнение — если, то меняли его решительно.

— Сильно больше, — предположил Кеплер и убрал деньги. — Потом поспешил сесть в машину. — Спасибо, Пит, — крикнул он через плечо. — Мне правда пора.

— Сегодня вечером, Джо.

Кеплер сделал вид, что не услышал это предупреждающее напоминание, захлопнул дверь и одновременно завёл двигатель. Когда он тронулся, украдкой посмотрел в боковое зеркало.

Пит смотрел ему вслед с предупреждающе сведёнными бровями, а указательный палец вытянутой руки показывал на вход.

Глава 11

В клинике Кеплеру пришлось ждать ровно семь минут. Приём был назначен на одиннадцать, и когда большая стрелка настенных часов в приёмной коснулась двенадцати, в дверях появилась строгая помощница врача со своей экономной шотландской улыбкой.

— Мистер Люгер, доктор готов вас принять, — деловито сообщила она.

— Большое спасибо, — ответил Кеплер, искренне впечатлённый такой педантичностью.

Женщина лишь кивнула и провела его в кабинет для консультаций. Камминг уже сидел там за столом, ожидая его, перед ним лежала раскрытая карта.

— Здравствуйте, мистер Люгер. — Он поднялся и протянул руку, потом поверх очков посмотрел на помощницу. — Спасибо, Эйлис, на этом всё. — Пожав руку Кеплеру, он указал ему на стул перед столом. Платили ему явно хорошо, и своё жалование он привык отрабатывать добросовестно. Но на пустые формальности времени не тратил. — У вас кишечная инфекция. Сальмонеллёзный энтерит, — сообщил он. — Прежде чем Кеплер успел что-то сказать, Камминг успокаивающе улыбнулся и поднял руку, не давая задать вопрос. — Не волнуйтесь, мистер Люгер, ничего серьёзного, — мягко, но уверенно сказал он. — Обычно это даже антибиотиками не лечат.

Он действительно был хорошим врачом — похоже, хотел избавить Кеплера от всех тревог. Причём полностью.

— То есть ничего опасного? — уточнил Кеплер.

— Именно. Совершенно ничего, — подтвердил Камминг и вопросительно посмотрел на него. — Тем более вы, похоже, ещё и устойчивы к этому — прямо как африканец.

Он сделал паузу, пока Кеплер скрывал разочарование.

— Я некоторое время жил в Африке, — сказал он.

— Долго? — неожиданно живо заинтересовался врач.

— Пару лет, — уклонился Кеплер.

— Тогда понятно, — заметил Камминг и внимательно посмотрел на него. — Поэтому вы хотели провериться на ВИЧ?

— Да, — подтвердил Кеплер с лёгкой надеждой. — И?

— Отрицательно, — снова улыбнувшись, ответил врач.

— Точно? — разочарованно переспросил Кеплер.

— Да, — ответил Камминг, удивлённо нахмурившись. — Иммуноферментный анализ иногда даёт ложноположительный результат, но почти никогда наоборот.

— А, — сказал Кеплер. — Понятно. Что ещё?

— Что ещё... хм... э... вы женаты? — осторожно спросил Камминг.

— Неа.

— Раньше были?

— Нет. А что? — насторожился Кеплер.

— И детей у вас нет? — уточнил врач.

— Не то чтобы я знал, — подтвердил Кеплер, уже совершенно ничего не понимая.

— Хорошо, — сказал врач почти с облегчением. — Потом помолчал и посмотрел на Кеплера с сожалением и сочувствием. — Дело в том, что вы бесплодны.

— И хорошо, — пробормотал Кеплер.

— Простите?

Кеплер не стал объяснять своё замечание.

— У меня вообще хоть что-нибудь есть? — спросил он. — Кроме жидкой спермы?

— Вам мало? — растерянно фыркнул Камминг. — Во всём остальном вы самый здоровый человек из всех, кого я видел, — резко добавил он.

— Замечательно, — без особой радости сказал Кеплер.

— Вы разочарованы? — удивился врач.

По местной традиции Кеплер что-то невнятно пробормотал. Но Камминг молча посмотрел сначала ему в лицо, потом на его разгрузочный жилет.

— Вы были на войне, верно? — предположил он почти без сомнений.

— Да, — коротко ответил Кеплер.

Будь он даже уверен, что в Африке устраивал пикники, врач всё равно бы не поверил. Да и скрывать это уже ничего не меняло.

— Может быть, вы всё-таки поговорите с психиатром? — осторожно спросил Камминг и посмотрел на него внимательно и с тревогой.

— Нет, — быстро и твёрдо ответил Кеплер.

— Вам могло бы помочь.

Врач проигнорировал ответ и протянул визитную карточку.

— Вот. Доктор Джунгарай очень хороший. — Он посмотрел на Кеплера с сочувствием.

— Он абориген. Эти люди хорошо понимают такие вещи.

Кеплер хотел отказаться от карточки, но потом всё же взял — так было проще.

Через три минуты он попрощался с врачом, оплатил счёт у помощницы и вышел из клиники.

На улице ему понадобилось немного времени, чтобы подавить злость. Последние минуты Буди были чудовищно мучительными. А для Спун такой прощальный уход наверняка оказался больше чем горьким.

А он...

У него даже насморка не было. Даже палец, который он прищемил, устанавливая мук-ян-чжон, больше не болел. Он вообще больше не мешал.

Кеплер почему-то надеялся, что с ним окажется что-нибудь не так.

Но боль как искупление за его собственную несостоятельность была ему недоступна. По крайней мере физическая. Он выбросил визитку психиатра в мусорную урну и пошёл к машине.

Глава 12

По дороге Кеплер думал о предложении Пита. Или угрозе. Или чем бы это ни было. От таких приглашений не отказываются — не в аутбэке.

Но для него это была не единственная причина поехать. Была ещё одна — на ранчо аутбэк начинал сводить его с ума. Почему именно, Кеплер понять не мог. И честно пытался подумать об этом объективно, вместо того чтобы втайне упрекать аутбэк за то, что он не Африка.

Краем глаза Кеплер заметил резкое движение в зеркале заднего вида. Позади ехал новый белый Шевроле Каптива с бело-чёрными номерами Южной Австралии — большинство прокатных машин регистрировали именно там, чтобы снизить расходы. Водитель Каптивы, похоже, ещё не привык к левостороннему движению: машина неожиданно задела грунтовую обочину, и в воздух поднялось небольшое облако пыли. Но уже в следующий момент Шевроле вернулся на асфальт. И одновременно позади него появился гигантский роудтрейн. Он стремительно сокращал дистанцию. Тем временем Кеплер уже доехал до места, где Танами отходила от шоссе Стюарт. Свернув, он остановился и посмотрел назад. Каптива и роудтрейн приближались к перекрёстку.

В следующее мгновение примерно в двух километрах южнее Кеплер увидел вертолёт, зависший над Стюарт-хайвеем. Он задумался, не тот ли это самый вертолёт, которым управлял тот заядлый курильщик. Если тот кашлял в полёте так же, как на земле, было удивительно, что вертолёт вообще ещё летал — три дня назад пилот едва не вогнал его в землю.

Когда Каптива добралась до перекрёстка, роудтрейн её уже догнал. Заревели сигналы на крыше тягача Мак, и Каптиву повело. Роудтрейн обошёл её с большим боковым интервалом, но даже не сбавил скорость. Хотя сорокаметровая сцепка продолжала нестись со скоростью сто километров в час, прошло некоторое время, прежде чем все пять цистерн промчались мимо внедорожника. Потом роудтрейн ушёл вперёд и под торжествующий вой своих тридцати шести шин помчался дальше, а Каптива будто потеряла устойчивость.

Усмехнувшись, Кеплер посмотрел на вертолёт. Тот всё так же далеко и ненавязчиво висел в воздухе на высоте около трёхсот метров. Похоже, австралийцам такие проделки с туристами не надоедали. Кеплер поехал дальше.

Лучше бы было отказаться от угрожающего приглашения Пита, потому что, когда Кеплер вошёл в Силвертон, он увидел Грэма.

Вообще-то теперь его уже реабилитировали, но ему всё равно сразу захотелось уйти. Однако Грэм тем временем обернулся. Но вместо того, чтобы посмотреть на Кеплера мрачно и недоверчиво, он дружелюбно улыбнулся и приглашающе махнул рукой. Пит, сидевший рядом и после, судя по всему, очень тяжёлого дня в магазине самозабвенно осушавший кружку пива, тоже помахал, не прерываясь пить.

Ошарашенный, Кеплер подошёл к стойке.

— Привет, Джо, — поздоровался Грэм. — В этот момент Ева поставила перед Кеплером стакан холодного пива. Он поблагодарил её и посмотрел в её завораживающие сияющие глаза. Ева улыбнулась ему и отвернулась. Кеплер посмотрел на Грэма, который протянул руку. — Меня зовут Дойл, — представился полицейский.

— Привет, Дойл, — уважительно принял Кеплер предложение мира и стал ждать.

— Я хотел заехать к тебе, но Пит сказал, что ты сам приедешь, — нарушил Грэм последовавшее молчание. — Я хотел тебя предупредить: похоже, грабители сосредоточились на окрестностях Тилмута. На местных они, скорее всего, не нападут, а вот на приезжего — вполне. Они подходят всё ближе к роудхаусу, — спокойно обосновал Грэм своё предположение. —

Три дня назад они напали меньше чем в десяти километрах отсюда, прямо посреди Танами-роуд. И опять исчезли без следа. Мы нашли только несколько следов, больше ничего.

— Во сколько это было? — спросил Кеплер.

— Около полудня. — Грэм посмотрел на него. — Почему?

Кеплер задумался. Его ранчо находилось в семнадцати километрах к юго-востоку от Тилмут-Уэлл. Эвкалипты, по которым он стрелял, стояли ещё в тринадцати километрах от ранчо, но западнее. То есть примерно в четырёх километрах почти точно к востоку от Танами-роуд. Практически ровно там, где Кеплер стрелял по эвкалипту. Только вот рассказать Грэму, что он ходил по округе с нелегальной винтовкой и стрелял по деревьям, он не мог. Нужно было найти способ помочь полицейскому, не подставив себя.

— А когда опустошили счета? — спросил он. — Всё-таки нужно время, чтобы изготовить дубликаты кредиток, доехать до банка и...

Грэм не дал ему возможности подтолкнуть себя к мысли, как именно перемещались грабители и что настолько быстро они могли действовать только одним способом.

— Им не нужны дубликаты, — перебил он Кеплера. — Они не зря выбирают богатые парочки на дорогих арендованных машинах — такие не сопротивляются. Схема такая: маленький грабитель вежливо и холодно просит карты и ПИН-код, а потом столь же вежливо угрожает смертью. Судя по тому, как он при этом смотрит, туристы ему верят. И женщине он всегда суёт оружие в рот. Мужчина выкладывает карты и доступы так быстро, что до сих пор грабителям даже не приходилось применять физическое насилие. — Он сделал паузу. — В первый раз я тебе этого не сказал, потому что действительно хотел посмотреть на твою реакцию. Так вот — второй грабитель связывается по рации с кем-то ещё и передаёт номера карт и ПИН-коды, после чего оба исчезают. А проходит время, прежде чем жертвы вызывают нас — связь в аутбэке хорошая только в нескольких местах. И ещё до того, как мы успеваем среагировать, счета электронно опустошают. Пока что мы нашли только один подставной счёт, куда переводили деньги, — его уже закрыли. Дальше след денег теряется в мешанине офшорных счетов.

Кеплер задумался, почему Грэм рассказывает ему всё это так подробно. Либо полицейский не верил его алиби и сейчас снова проверял его, рассказывая реальные детали. Либо хотел услышать совет от предполагаемого коллеги. Помощь ему точно была нужна — Австралия зависела от туристов.

— Они выбирают людей целенаправленно, — сказал Кеплер. — Ищите информаторов.

— Этим и занимаемся, — раздражённо ответил Грэм. — Только это муторно. Грабители используют обычную радиосвязь. А здесь передаёт каждый: дальнобойщики, фермеры, Школа по радио, и подростки, которые договариваются о первом сексе. — Он горько вздохнул. — Прослушка безнадежна. Территория огромная, частот бесчисленное количество, а нас даже с подкреплением из Дарвина слишком мало. — Он внимательно посмотрел на Кеплера. — Ты очень быстро понял суть проблемы. Ты уже расследовал что-то похожее?

— Убийство во время ограбления банка, — ответил Кеплер. — Это была работа инсайдера. Я нашёл информатора, а он вывел меня на убийцу.

Грэм недолго и спокойно его изучал.

— Почему ты здесь, Джо? — на этот раз спросил он прямо.

На скорую руку Кеплер не смог придумать аналог смерти своего друга, а врать не хотел.

— Меня выслали, — ответил он.

— Потому что ты убил убийцу? — предположил Грэм.

— Это было оправданно, но не из-за этого, — сказал Кеплер.

— Ладно, — только и сказал Грэм, но прозвучало это разочарованно.

Пит, похоже, заметил только очевидное. За время разговора он расслабился и слушал с довольным выражением лица — его мир снова был в порядке. Теперь он показал сначала на стакан пива Кеплера, потом на стакан воды перед Грэмом. Его собственный уже опустел, и он

сделал знак дочери. Но Ева проигнорировала его и в тот же момент указала в сторону входной двери. Кеплер посмотрел туда.

Женщина, вошедшая вместе с Уришей, тоже была красива — простой, а потому настоящей красотой. Белая, лет чуть за тридцать. Её костюм ненавязчиво подчёркивал стройную фигуру, тёмные волосы были коротко, но выразительно подстрижены. Но от неё не исходила та мальчишеская необузданность, что была у Евы и Уриши. Она не казалась скованной, но держалась отстранённо, и это подчёркивала её прямая спортивная осанка. Однако в открытом взгляде живых серых глаз мелькала задумчивая любознательность. Тёплая улыбка, которой она ответила на радостное приветствие Евы, смягчила её угловатое лицо с впалыми щеками.

При мысли о том, как блаженно улыбался бы Буди при виде этих трёх красивых женщин, Кеплер снова почувствовал, что предаёт друга. Ему было позволено всё это пережить — а Буди уже никогда.

Кеплер больше не видел бутылки, поблёскивавшие в искусственном свете бара. Он видел рассвет в Конго, когда начинался новый день, и его смертельно раненый друг поднял голову и в отчаянии посмотрел на него.

Ева, Уриша и белая женщина начали о чём-то шептаться в конце стойки. Кеплер огляделся и отметил, что мужчины здесь всё-таки были нормальными. Да, суровыми, но никто не ворчал, что Ева устроила себе перерыв, хотя у некоторых стаканы уже опустели. Даже Пит покорно ждал.

— Кто эта белая? — воспользовался паузой Кеплер.

— Её зовут Нина, — ответил Пит. — Она куратор нашей галереи и ещё нескольких вокруг Алис.

Он хотел добавить что-то ещё, но его перебил резкий звонок. Это был спутниковый телефон Грэма. Полицейский достал его, взглянул на экран и беззвучно выругался, принимая вызов. Ответил и больше не произнёс ни слова — только слушал. Лицо у него при этом всё сильнее вытягивалось. Закончив разговор, он поднялся с ошеломлённым и подавленным видом.

— Эти типы снова ударили — но на Стюарт-хайвей, — потрясённо проговорил он вполголоса. — Далеко на севере. Денег уже нет. Как это вообще возможно?

Кеплер недолго колебался. Но даже если он не хотел ни во что вмешиваться, здесь речь шла о людях.

— Туристы ехали на белом Каптива? — спросил он.

В глазах полицейского что-то вспыхнуло.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил он.

— Да или нет, Дойл?

— Да. — Грэм продолжал пристально смотреть на него. — Почему?

— Я видел туристов по дороге сюда, — ответил Кеплер. — Каптива обогнал роудтрейн Шелл. А потом я увидел вертолёт. Он висел довольно высоко и далеко. А что, если грабители действуют так — летают? Это бы объяснило, почему они действуют так быстро. — Кеплер сделал паузу, давая Грэму, наморщившему лоб, время подумать. — Туристы его так точно не заметили, зато у грабителей был хороший обзор, — продолжил Кеплер, когда полицейский снова посмотрел на него. — Поэтому они смогли спланировать нападение. Они улетели вперёд, двое нападавших высадились, вертолёт ушёл из зоны видимости. Так они не оставляют следов.

Кеплер замолчал — одна вещь не сходилась. Но Грэм мрачно улыбнулся.

— Спасибо за подсказку, — сказал он с нехорошими нотками в голосе.

— Подожди, — остудил Кеплер его воодушевление. — Так не может быть.

— Почему? — сразу недовольно спросил Грэм.

— Грабителей двое.

— И?

— То, что я только что сказал про засаду, — напомнил Кеплер. — Ни одна жертва не упоминала вертолёт, значит, он ждал далеко, а значит, нужен ещё пилот. Но вертолёт, который я видел, был двухместный.

— В округе есть три Энстром Ф-28 и один Р44.

Это возражение показывало, что Грэм не только очень хорошо знал обстановку в своём районе, но и помнил, что Ф-28 — трёхместный, а Робинсон Р44 имел четыре места. Но Кеплер был абсолютно уверен, что видел не одну из знакомых ему моделей.

— Нет, Дойл, это был очень маленький вертолёт, — сказал он. — Я довольно хорошо разбираюсь в авиации, но что это была за машина — вообще не знаю. Только точно знаю, что она была не больше, чем Р22.

— Всё равно проверю все вертолёты в округе, — ответил Грэм, махнул рукой и ушёл, на ходу печатая в телефоне.

Он столкнулся с Ниной, которая закончила болтать с Евой и собиралась сесть на табурет. Грэм в качестве извинения лишь мимолётно коснулся плеча молодой женщины и поспешил дальше. Нина недолго посмотрела ему вслед, слегка нахмурившись, и села. Уриша забралась на табурет справа от неё. Ева поставила перед ними две маленькие рюмки и быстрым движением наполнила их розовой жидкостью из изящной бутылки. Пит выразительно сглотнул, но Ева невозмутимо схватила поднос и пошла к терпеливо ждавшим мужчинам за столами. Пит проводил её страдальческим взглядом. Затем обречённо повернулся к Кеплеру. Но прежде чем успел пожаловаться, входная дверь открылась, и какой-то покрытый пылью мужчина окликнул его.

— Извини, Джо, — попросил Пит и поднялся.

— Ничего.

— Допивай пиво, — напомнил Пит, сделал Еве знак, чтобы она долила ему, когда стакан опустеет, и ушёл.

Кеплер отодвинул пинту. Ему ещё предстояло ехать, а шестьсот миллилитров были для этого слишком много. И к этому времени он уже боялся алкоголя.

У австралийцев была поговорка — оззи не доверяют тому, кто не делал этого. Под «это делать» подразумевалось пить пиво. Кеплер хотел иногда бывать среди людей и при необходимости даже разговаривать с соседями, но перенимать австралийскую манеру пить он не собирался.

Он сражался за идеал, которого невозможно было достичь, и потерял при этом всё. Товарищей, любовь, родину. Оттолкнул семью и любую женщину, которую мог бы любить. Его лучший друг погиб. Но ни время, ни индолентность не стирали его боль. Он больше ничего не чувствовал — только горе. Просто ещё помнил, каково это — быть человеком. И уж точно не хотел растворить это в алкоголе. Захоти он всё забыть и перестать скучать по Буди так же, как в первый день, — ему не пиво помогло бы, а только пуля в голову.

Ева снова была рядом с Ниной и Уришей. Все трое склонили головы и оживлённо о чём-то шептались. Кеплер достал деньги, позвал Еву, показал ей десятидолларовую купюру и положил её рядом со стаканом. Все три женщины удивлённо посмотрели на неё — стакан всё ещё был полон. Нина подняла глаза и посмотрела на Кеплера. Холодная насторожённость в её взгляде смешалась с едва заметным удивлением. Затем она коротко улыбнулась. Кеплер кивнул ей и пошёл к двери.

Глава 13

Хотя Кеплер тренировался с вакидзаси почти одержимо и точно представлял себе, чего хочет добиться, у него не получалось даже приблизиться к цели.

Его знания фехтования были невелики. В девять лет он начал заниматься тай-чи, где самым благородным оружием считался цзянь — прямой одноручный обоюдоострый меч. Некоторое время Кеплер тренировался с учебным цзянем детского размера. Но даосское тай-чи относилось к внутренним боевым искусствам, основанным на том, чтобы побеждать жёсткое мягким, а это включало много медитации. Этому Кеплер не хотел, поэтому перешёл в Шаолинь, относящийся к внешним боевым искусствам буддийской традиции. Это направление традиционных китайских боевых искусств было более прямым, а медитация там не являлась обязательной. Второй мастер Кеплера был одержим боями, и обучил его особому стилю вин-чун, в котором доктрина атаки как защиты сочеталась с принципом тай-чи — обращать силу противника против него самого. Благодаря этому и за счёт скорости Кеплер мог компенсировать свой рост и небольшую силу. Но хотя у многих стилей кунг-фу существовала техника меча, в вин-чун её не было.

Чтобы добиться чего-то с вакидзаси, Кеплеру просто не хватало базовых знаний фехтовального искусства; даже то, чему он учился в Бремене, было лишь несколькими основами. Поэтому ещё вместе с Буди в Дурбане он пытался соединить кали с кэндо. Но у него не получалось объединить технику ножевого боя с искусством меча.

У него не выходило выполнить один удар так быстро, как хотелось. Снова и снова ему казалось, что он наконец понял принцип. Но только почти — понимание всякий раз снова ускользало, так и не успев закрепиться.

Чтобы прояснить голову, на третий день Кеплер оставил вакидзаси и пошёл к мук-ян-чжон.

Наверное, именно из-за злости на самого себя и на весь остальной мир в рисунке древесины гикори, из которого был сделан манекен, ему привиделось жуткое лицо Мотри.

— Я тебя убил, — тихо прорычал он, — но всё равно тебя ненавижу.

Его ярость и боль вырвались наружу грубо и неудержимо. Словно в бешенстве, он наносил удары руками и ногами всё быстрее. Мук-ян-чжон при этом вращался, но Кеплер ловко уходил от трёх рук и изогнутой ноги — манекен не смог ни разу вернуть ему удар, используя вложенную в него энергию.

Полностью вымотанный, тяжело дыша и обливаясь потом, Кеплер закончил бой. Его ярость не оставила следов на твёрдом дереве. А у него самого почти не осталось сил даже стоять на ногах.

— Но ты всё равно не победил, — выдохнул он манекену.

Пошатываясь, он добрался до двери; воздух снаружи был жарче, но не таким душным. Кеплер прислонился к косяку и сполз на землю. Он посмотрел в бесконечную даль аутбэка, потом на мук-ян-чжон.

С тех пор как Кеплер оказался в Австралии, у него было чувство — и с каждым днём оно становилось сильнее — что жизнь ускользает от него. Что он находится в свободном падении и в этом падении разгоняется всё быстрее. И он не видел, где, когда и как разобьётся. Он знал только одно — это могло оказаться окончательным.

Ред-Сентр занимал миллион квадратных километров, а мук-ян-чжон состоял всего лишь из ствола дерева диаметром тридцать сантиметров. Оба были сильнее его.

Но ни аутбэк, ни манекен его не победили. Пока ещё.

Глава 14

С вакидзаси — нет, но в кунг-фу и стрельбе Кеплер достиг очень высокого уровня совершенства.

Чтобы удерживать этот уровень, ему приходилось продолжать тренироваться и в том, и в другом. И каждого улучшения нужно было тяжело добиваться.

В кунг-фу он мог добиться этого, становясь ещё быстрее. В стрельбе — увеличивая не только дистанцию, но и сложность. Поэтому он хотел стрелять через сдвиговые ветра. Такие должны были быть над почти полностью пересошим руслом Напперби-Крик.

Для чрезмерной стрельбы у Кеплера не хватало патронов. Поэтому через два дня, следуя решению, принятому ещё у эвкалиптов, он достал из тайника только один патрон. Отстрелянная гильза с того дня ещё находилась в патроннике. Кеплер достал её, засыпал песком, обжал дульце и засунул в магазин, чтобы винтовка была чуть тяжелее — так было реалистичнее. Он повесил Эрму за спину и пошёл.

Вскоре он дошёл до реки и всё шёл и шёл вдоль русла, но не нашёл даже намёка на непредсказуемый ветер.

К тому же ему постоянно приходилось приветствовать самого себя по-австралийски — махать рукой перед лицом, отгоняя насекомых. Без шляпы с сеткой, которые здесь продавали туристам тоннами, австралийские падальные мухи были настоящей пыткой. Меньше размером, чем в других местах, они были ещё агрессивнее и лезли в нос, в уши и в глаза. Кеплер повязал платок на лицо как маску.

Через три часа он дошёл до участка, где в русле уже совсем не осталось воды, и мух стало меньше. Но к этому моменту он уже без всякого результата прошёл почти восемнадцать километров вниз по руслу на юг. Теперь он находился совсем рядом с Тилмутом и должен был возвращаться, хотя именно здесь были сдвиговые ветра — потому что на таком расстоянии кто-нибудь из роудхауса мог услышать выстрел.

Кеплер остановился, достал из рюкзака бутылку воды и поднёс к губам. Уже собираясь пить, он посмотрел на восток. И замер.

Аэродром Тилмута был явно заброшен, но столь же явно именно сейчас там поднималось облако пыли. Совсем небольшое. Кеплер пожал плечами и медленно отпил. Потом вспомнил слова Грэма о том, что грабители уже орудуют совсем рядом с Тилмутом.

Подумав, что стоило купить не только модем, но ещё и телефон, Кеплер снял Эрму со спины и прицелился. Из-за раскалённого воздуха перекошенную хижину у дальнего конца короткой взлётной полосы — почти в трёх километрах — он видел только размыто. За ней угадывался передок машины. Кеплер повёл ствол вправо. Роудхаус был ближе и, несмотря на дрожащий воздух, виден лучше. Там ничего не происходило.

Он сам это сказал — его это не касалось. Он всё равно сорвался с места и побежал.

Крошечное облако пыли исчезло за то время, пока Кеплер преодолел полтора километра. Он остановился и прицелился. Теперь машину за сараем было видно лучше. Он опустил винтовку и посмотрел на небо. Там было несколько кучевых облаков, а высоко вверху пассажирский самолёт тянул за собой две инверсионные полосы. Вертолёт видно не было.

До этого места Кеплер добежал за шесть минут. С жарой он ничего сделать не мог, но мог стать быстрее. Он оставил рюкзак и Эрму. Всё равно в винтовке был только один патрон, а против двух грабителей этого было как минимум на один меньше, чем нужно, поэтому достать их следовало с короткой дистанции. Следующий километр он преодолел меньше чем за четыре минуты. Вертолёт так и не появился. Кеплер достал Глок 26 и, не сбавляя темпа, слегка отвёл

затвор назад. Он знал, что пистолет заряжен, но всё равно убедился. Затем вытащил запасной магазин и побежал левее.

Путь становился длиннее, зато он подходил не с той стороны, куда обычно смотрят, выходя из сарая.

За триста метров до цели Кеплер пригнулся и побежал дальше, попеременно поглядывая то на сарай, то в небо. На двухстах метрах он положил на рукоять Глока и левую руку и вывел оружие в полуготовность. На секунду ему снова показалось, что он бежит в Судане к пяти стоящим на коленях монахиням. Он замедлился, чтобы шум крови в ушах стих.

А потом, когда до сарая оставалось чуть меньше ста метров, он растерянно покачал головой. Но он не ослышался. По другую сторону небольшого здания кто-то пел. Кеплер остановился и прислушался. Это определённо был женский голос, певший песню под странную музыку. И всё же, не выпуская пистолет из рук, Кеплер преодолел последние метры до сарая, осторожно прижался к стене и начал двигаться вдоль неё. У угла он осторожно выглянул.

Машина стояла в тени. Это был Холден Коммодор ВР девяносто четвёртого года — увеличенный универсал Опель Омега А с компрессорным V-образным восьмицилиндровым двигателем объёмом три и восемь литра. Больше Кеплер никого и ничего не увидел, зато теперь лучше слышал пение. Он прошёл между машиной и сараем. Когда достиг следующего угла, музыка и пение резко оборвались. Кеплер замер. Через несколько секунд послышались голоса нескольких женщин. Он присел и выглянул из-за угла.

Перед сараем сидели Ева и Уриша на старых ящиках из-под пива. Ева держала в руках банджо, Уриша — йидаки. Этот традиционный инструмент, известный в западной культуре как «диджериду», представлял собой примерно метровую слегка изогнутую полую ветвь эвкалипта с очень сложной росписью. Нина, стоявшая перед Уришей и Евой, выглядела теперь совсем иначе, чем в Силвертоне. Сила в её лице никуда не исчезла, но теперь скрывалась за тихой спокойной радостью, а глаза мягко светились. На ней было лёгкое облегающее белое платье с простым узором из красных цветов.

Три женщины тихо переговаривались. Прежде чем Кеплер понял, о чём речь, Нина отступила назад. Тонкие пальцы Евы с невероятной скоростью начали перебирать струны банджо, и одновременно она ударяла правой рукой по корпусу. Ритм звучал как барабан. Кеплер узнал мелодию — это была старая ностальгическая австралийская кантри-баллада, только Ева играла её чуть быстрее. Через несколько секунд в музыку ненавязчиво вплелись вибрирующие звуки йидаки. Они придали ей отчётливый акцент, но не изменили её основу. Ритм стал ещё немного быстрее. Тогда запела Нина. Её голос — чистый и сильный — нёс в австралийскую даль надежду и радость любви. Нина стояла, слегка отбивая такт ногой, чуть склонив голову набок, устремив вдаль полный тоски взгляд, и пела всей душой.

Эта интерпретация песни была пронзительно простой — только чистая сила музыки и красивого голоса. И когда Нина без усилия взяла высокие ноты припева, она коснулась чего-то глубоко внутри души Кеплера. Нина закрыла глаза, начиная повторять последний куплет. Кеплер отступил, поднялся и побежал. Неважно, что он хотел помочь — нарушать гармонию этих трёх женщин он права не имел.

Но он был рад, что подслушал их.

Глава 15

Через два часа Кеплер наконец нашёл место, где песок непредсказуемо закручивался ветром.

Из небольших валявшихся вокруг камней он сложил подставку высотой около сорока сантиметров. Достал из рюкзака пустую банку из-под супа, утяжелил её песком и поставил на камни. После этого отошёл на две тысячи сто метров. Лёг на землю и подготовил Эрму.

Рядом с банкой не было ничего, кроме песка, по движению которого Кеплер мог оценивать ветер. И его порывы были действительно хаотичными. Но даже хаос подчиняется закономерностям, а Кеплер занимался этой областью и понимал, что взмах крыла бабочки где-то в Китае действительно может вызвать ураган в США. Такое Кеплер рассчитать не мог. А вот сложную баллистическую траекторию — мог. Просто на то, чтобы собрать все параметры и перевести их в баллистическую кривую, требовалось очень много времени. Ещё три минуты ушло на то, чтобы подготовить тело к выстрелу. Закончив, Кеплер убедился, что винтовка всё ещё наведена правильно, и плавно выбрал спуск.

Поправка по высоте была такой большой, что банки в прицеле уже не было видно. Но пуле требовалось время, чтобы пройти такую дистанцию, и за эти секунды Кеплер визуально отслеживал вихревой след, который оставляла вращающаяся пуля. Через мгновение она чиркнула по краю банки, опрокинула её и ударила в землю, подняв небольшое рыжеватое облачко.

Строго говоря, это было попадание лишь формально. Но если соотнести маленькую банку с человеческой головой, выстрел был бы смертельным процентов на восемьдесят. И поскольку Кеплер уже несколько дней не стрелял, если смотреть трезво, результат был хорошим.

И всё же он был не вполне доволен собой.

Он перевернулся на спину, вытянулся и посмотрел в темнеющее небо. Заходящее солнце окрасило облака в желтовато-красный цвет, а землю — в неопределённо тёмный. Потом зажглись первые звёзды.

Давным-давно Кеплер научился ориентироваться по ним. Это всегда хорошо работало, но звёзды не могли указать ему направление, в котором должна идти его жизнь.

Теперь они напомнили Кеплеру о полёте в Бразилию. На примере Веги — одной из самых изученных звёзд — он объяснял Буди теорию звёздной эволюции от газового облака до чёрной дыры. Сейчас Вегу он видеть не мог — она находилась под горизонтом.

Кеплер начал искать другие знакомые ему звёзды и мысленно перебирал факты об их положении, расстоянии и светимости. Раньше так он отгонял сон, когда стоял в карауле или сидел в засаде.

Постепенно воспоминания о Буди начали исчезать, погребённые под сухими числами. Вскоре вид звёзд перестал причинять Кеплеру боль.

Зато вдруг пришло воспоминание о лицах Нины, Евы и Уриши. Эти три женщины и их музыка стали отчётливым вызовом этому суровому красноватому миру.

Кеплер замер. И понял, какое откровение пришло к нему у покосившегося сарая. Три прекрасные женщины были не упрямым противопоставлением аутбэку — они были его частью. Кеплер сел в позу лотоса, взял винтовку в руки и посмотрел вдаль. И несмотря на всю изматывающую тоску по Африке — в этот момент он наконец принял аутбэк.

Как снайпер он воспринимал окружающий мир не только глазами, а всеми чувствами. И даже этот враждебный и ненормальный аутбэк он воспринял тем жизненно важным качеством снайпера — он его почувствовал.

Он делал это с самого начала, но только сейчас знание в его голове наконец пришло в согласие с тем, что воспринимали его чувства. И теперь он смог увидеть за бедной монотонной нереальностью аутбэка.

Здесь деревья сбрасывали не листья, а кору, а млекопитающие откладывали яйца. Странная и беспощадно суровая, эта сухая, жаркая и пыльная пустыня при всех своих особенностях была не более гротескной и не более мрачной, чем сам Кеплер. Она даже была красивой. И простой, но величественной.

Внезапно Кеплер почувствовал себя частью этого странного красного сердца Австралии. Он и аутбэк — на самом деле они просто мирились друг с другом, не понимая друг друга. Но теперь они уважали друг друга.

Небо над Кеплером не было привычным для него, но он смотрел на те же звёзды, что и в Африке. И тишина ночи вдруг принесла ему немного покоя, а глубокая пропасть внутри него стала меньше зиять. Он сидел, смотрел, как луна проходит по небу, и вспоминал.

Потом начало светать, и восход окрасил небо в неопишуемые цвета. Тихо и неподвижно, чтобы не потревожить его, Кеплер смотрел на рождение нового дня.

И ему казалось, будто Буди рядом. Будто друг улыбался ему и простил за то, что он жив и что у него всё настолько в порядке.

Вернувшись на ранчо, Кеплер достал из рюкзака фотографию, которую сделала Ребекка, взял молоток и гвоздь и прикрепил её к стене в гостиной. Потом написал письмо Массе и Нгабе. Он в общих чертах рассказал, что они с Буди сделали. Обстоятельства его смерти описал подробнее, хотя это далось ему очень тяжело. Потом попросил своих людей простить его за то, что не смог уберечь Буди от смерти. При всём недовольстве собой Кеплер надеялся, что люди, которые были ему дороги — и которым, возможно, был дорог он сам — простят ему его несовершенство.

Он ещё долго сидел после того, как закончил, и невидящим взглядом смотрел перед собой.

Глава 16

В воскресенье ближе к полудню Кеплер вяло висел на дверце холодильника и задумчиво смотрел на коробку с пиццей с тунцом в морозильнике. Рядом с пиццей лежал стейк. Кеплер лениво размышлял, что потребует меньше усилий и позволит быстрее насытиться — разморозить и пожарить стейк или разогреть пиццу.

Через некоторое время у него оформилась мысль, что поездка в роудхаус будет разумным компромиссом. Там была еда, а времени на дорогу требовалось больше, чем на пиццу, но меньше, чем на разморозку стейка. Да и письмо надо было отправить.

Роудхаус напоминал город-призрак. На парковке не стояли ни роудтрейны, ни машины тех, кто ночью выпил слишком много. Совсем как в любом вестерне, тихо посвистывающий ветер перекатывал по стоянке два высохших перекати-поля и поднимал небольшие облачка песка. Только дверь заправки, вопреки киношному шаблону, не хлопала — она была аккуратно закрыта, чтобы прохлада от кондиционера не уходила наружу.

Внутри Пит явно изнывал от скуки в полном одиночестве. Когда вошёл Кеплер, он обрадовался так бурно, будто произошло что-то выдающееся.

— Джо! — восторженно воскликнул он. — Что привело тебя ко мне, друг мой?

— Голод, — насторожённо ответил Кеплер. — Почему Силвертон закрыт?

— Сегодня вообще никого не было, поэтому жена и Ева только что поехали к тёще, — объяснил Пит тоном оправдания. — До вечера вернутся, просто в Ти-Три.

Это было сто тридцать километров через аутбэк — или триста пятьдесят, если сначала ехать по Танами-роуд на юг, а потом по Стюарт-хайвей на север. По австралийским меркам — почти за углом.

— Нет, тогда я поеду, — ответил Кеплер.

Он решил разогреть пиццу на ранчо — уборка после гриля сегодня казалась ему слишком утомительной.

— Я могу тебе пиццу разогреть, — предложил Пит. — С тунцом?

— Правда? — саркастически спросил Кеплер. — Спасибо.

— Да пожалуйста! — ответил Пит.

Радость, с которой он ушёл назад, была искренней и объяснялась не только тем, что заняться было нечем и хотелось компании.

— Пит, принеси, пожалуйста, воды, — крикнул ему вслед Кеплер.

Через две минуты Пит вернулся. Он поставил перед Кеплером покрытую инеем бутылку воды и подозрительно посмотрел в окно.

— Лара против алкоголя по святому воскресенью, — пояснил он. — Но в такую жару ведь нужно много пить, правда?

— Конечно, — согласился Кеплер и с улыбкой наблюдал, как Пит после тщательного осмотра окрестностей направился к холодильнику. — Возьми воду.

— Джо. — Пит повернулся с бутылкой пива в руке и укоризненно посмотрел на него. Потом смягчился. — Раз ты не местный, объясню. Вода здесь насущно нужна для душа. А я хочу пить.

— А, тогда всё нормально. — Кеплер усмехнулся. Он указал на журнал с картинками, который листал Пит. — А это что?

Тот вдруг смутился.

— Новый каталог нашей галереи, — ответил он оправдывающимся тоном. — Надо же как-то себя занимать.

— Можно посмотреть? — солидаризировался с ним Кеплер.

Пит с облегчением и благодарностью протянул журнал. Потом подошёл к окну. В одной руке у него был стабби, в другой — крышка, похожая на кроненпробку. С наслаждением отпивая, он насторожённо смотрел в сторону Танами-роуд. Жену он обожал и не хотел её злить. Наверное, поэтому пустую бутылку временно спрятал в пенопластовый стакан рядом с Кеплером на стойке. Они молча посмотрели друг на друга, потом усмехнулись. Через секунду Пит тревожно втянул носом воздух и убежал.

Должно быть, у него была промышленная печь — меньше чем за восемь минут пицца стала очень хрустящей. И она была как аутбэк — гигантской.

— Пит, ты же сможешь мне с ней? — попросил Кеплер.

Австралиец кивнул, посмотрел в окно и, пока жены поблизости не было, снова пошёл к холодильнику. Покачав головой из-за того, что Кеплер опять захотел только воды, он вернулся к стойке.

Когда они поели, Кеплер попросил конверт. Пит вложил письмо, наклеил марку и пообещал отправить его завтра. После такого напряжения он взял себе новый стабби. Он уже поднёс бутылку к губам, когда снаружи донёлся звук шин. Пит рефлекторно спрятал руку со стабби под стол и испуганно посмотрел наружу. Потом расслабился.

У колонки остановился тот самый Коммодор, который Кеплер видел на аэродроме. Из машины вышла Нина и помахала ему и Питу.

Они вяло ответили.

Где бы Нина ни была до этого, сегодня на ней были короткие потрёпанные шорты и топ, едва прикрывавший лифчик.

— Жарко, — заморожённо сказал Кеплер. — Мне нравится ваша погода. — Пит пробормотал что-то в том же тоне, не отрывая взгляда от окна. — Откуда она едет?

— Наверное, была у художника-аборигена, который живёт севернее, — ответил Пит.

Под белой кожей Нины мягко, по-женски, проступали упругие мышцы. Они не выпирали, но были хорошо очерчены.

— Бегать умеет, да? — предположил Кеплер, глядя на её сильные ноги.

— Ещё как, — подтвердил Пит. — Между Аделаидой и Дарвином нет никого, кто пробежал бы четыреста метров быстрее неё. Если не считать профессиональных спринтеров.

— А какая она вообще? — заинтересовался Кеплер.

Пит посмотрел на него предостерегающе. Не потому, что не хотел позволить Кеплеру ухаживать за Ниной, но нельзя было превращать это в игру или интрижку на одну ночь.

— Она очень, очень умная, — ответил он. — И самый добрый человек из всех, кого я знаю. И здесь её любят все.

Кеплер только кивнул. Тем временем Нина с довольно отсутствующим видом возилась с крышкой бензобака. Потом вообще замерла и задумчиво уставилась вдаль. Прошло несколько секунд, прежде чем она снова пришла в себя. Она взялась за пистолет колонки и неторопливо огляделась. Когда её взгляд ушёл за машину, она вдруг выпустила пистолет и бросилась к заправке. Нина распахнула дверь и остановилась на пороге с выражением ужаса.

— Пит! — крикнула она и показала пальцем наружу.

Мгновением позже Пит проворно обогнул стойку, а Кеплер рванул к двери. Там он схватил Нину за плечо, рывком толкнул её внутрь здания заправки и потянулся к кобуре на левой щиколотке. Его рука задрала штанину, пока глаза прочёсывали пространство. Но там вообще ничего не было. Ни людей в масках, ни вертолёта. Пит, уже стоявший рядом, недоумённо посмотрел на Кеплера. Они оба обернулись к Нине.

— Что случилось? — спросил Кеплер.

— Из моей машины течёт бензин, — испуганно выдохнула Нина.

Больше ничего объяснять не требовалось — в жаре аутбэка топливо испарялось очень быстро. Так же быстро его пары смешивались с воздухом, а такие облака создавали огромную опасность взрыва.

Пит одним прыжком отскочил назад и схватил огнетушитель, висевший у двери. Кеплер посмотрел на Коммодор. За машиной тянулась струйка жидкости, а под ней расплзалась лужа. Но прямо под передним бампером, а не возле бака. И к тому же она была розовой и густой.

— Пит, это не бензин, — крикнул Кеплер через плечо.

— А что? — удивлённо спросила Нина.

— Масло из автомата, — облегчённо сказал Пит, подошедший к Кеплеру и тоже внимательно посмотревший на Коммодор. — Слава богу.

— Это что значит? — снова почти в панике спросила Нина.

— Опасности взрыва нет.

— Это хорошо. Но я могу дальше ехать? — настойчиво спросила Нина. — Пит тяжело посмотрел на неё и покачал головой. — Пожалуйста, Пит, пожалуйста, почини его, — взмолилась Нина. — Мне обязательно нужно в Алис.

Пит с сомнением пожал плечами и подошёл к машине. Кеплер пошёл следом. Они присели перед передком и заглянули в щель бампера. У автоматической коробки Коммодора из-за жаркого австралийского климата стоял отдельный дополнительный масляный радиатор. Ровно посередине в него вонзился кусок окаменевшего дерева. Он не только помял соты, но и разорвал две магистрали, а третью погнул.

— На этом ты дальше не поедешь, — сказал Пит Нине, которая подошла к ним. — Я тебе уже тысячу раз говорил — купи себе внедорожник.

— Ты можешь быстро починить машину? — проигнорировала она замечание.

— Такого радиатора у меня нет, — с сожалением сказал Пит. — А если пустить в обход — угробишь коробку. И ста километров не проедешь.

— Может, Роб что-нибудь придумает... — попросила Нина.

— Сегодня воскресенье, у механиков тоже выходной, — напомнил Пит.

— Ну пожалуйста, — продолжала просить Нина. — Мне обязательно нужно прямо сейчас в Алис.

— Я дал Робу свою машину, его тоже сломалась. Лара и Ева уехали на второй, — беспомощно ответил Пит. — Больше никого нет. — Он подумал. — Спросим в посёлке, может, кто-нибудь даст тебе машину.

Кеплер сунул руку в карман и достал ключ.

— Возьми мой пикап, — сказал он и бросил ключ Нине.

Она поймала его и удивлённо посмотрела на Кеплера.

— А ты как домой доберёшься? — насторожённо спросила она.

— У меня есть время, — ответил Кеплер. — У тебя, похоже, нет.

В тот же момент ему стало не по себе от мысли, что придётся долго убеждать Нину взять Форд. Но в аутбэке помощь не только предлагали без лишних разговоров — её так же спокойно принимали.

— Спасибо, Джо, — с облегчением сказала Нина. — Завтра верну.

Она забрала сумку с заднего сиденья Коммодора и побежала к Форду. Кеплер и Пит смотрели вслед пикапу, пока тот не исчез из виду.

— Поможешь закатить это чудо в мастерскую? — попросил Пит. Потом недовольно вздохнул. — Хотя может лучше просто вытолкать эту беду в пустыню и там сжечь. Радиатор наверняка стоит дороже, чем вся эта колымага.

— У тебя случайно нет медной или латунной трубки, которая налезет на шланг радиатора? — спросил Кеплер. — Метра два длиной.

— Наверняка есть, — предположил Пит. — А зачем?

— Мы сделаем ей радиатор, — ответил Кеплер.

Пит открыл мастерскую, и они закатили туда Коммодор. На его внушительном складе были не только автозапчасти, но и множество деталей для домашней электрики, кондиционеров и канализации. Там Пит и нашёл подходящую латунную трубку. Ещё какое-то время ушло на поиски цилиндра диаметром десять сантиметров. В конце концов Пит зажал в тиски старый карданный вал, а Кеплер засыпал латунную трубку песком. Вернувшись в мастерскую, он велел Питу прижать трубку в десяти сантиметрах от конца к кардану и держать.

— Как ты её собираешься гнуть? — спросил Пит.

— Спиралью, — ответил Кеплер. — Экономит место, целиком помещается в щель бампера и даёт достаточно площади для охлаждения масла. Это временное решение, но в радиаторе не больше двух литров, для этого хватит.

— А песок зачем? — заинтересовался Пит.

— Чтобы трубка не переломилась.

Кеплер намотал полтора метра трубки на карданный вал и отогнул конец назад, чтобы можно было подключить спираль к шлангам. Потом они с Питом несколько раз промыли конструкцию водой, чтобы очистить её изнутри от песка. После этого сняли масляный радиатор и поставили вместо него спираль. Кеплер закрепил её стяжками в щели бампера, а Пит принёс масло для коробки и воронку. Трубка щупа была узкой, поэтому воздух выходил медленно, и заливка двух литров масла заняла время. Когда уровень стал нормальным, Кеплер завёл двигатель и несколько раз прогнал коробку от Р до первой передачи. Потом выехал на Танамироуд. Когда вернулся, двигатель уже вышел на рабочую температуру. Кеплер проверил уровень масла и долил ещё немного. Тем временем Пит стоял на коленях перед бампером и критически осматривал результат.

— Нигде не течёт, и трубка не особо горячая, похоже, работает хорошо, — одобрительно заключил он. — Как ты до такого додумался?

— Когда возишь гуманитарку по Судану, учишься импровизировать, — рассеянно ответил Кеплер. — Иначе машина сдохнет через неделю.

— Ты был в гуманитарной организации? — удивлённо уточнил Пит.

— Да... — Кеплер стряхнул воспоминания. — А что в этом такого?

— Ничего, просто Дойл говорил, что ты был военным, а потом полицейским, — ещё сильнее удивился Пит. — Это неправда?

Изучение его дела было обязательным, но то, что Грэм разболтал весь его поддельный жизненный путь, удивило Кеплера. Но увидев любопытный взгляд Пита, он понял. Пока он был под подозрением, Грэм рассказывал о его военном прошлом, а после реабилитации — что он был полицейским. Эта манипуляция сработала хорошо. Неприязнь Пита раньше была такой же искренней, как теперь его симпатия.

— Всё правда, — сказал Кеплер. — Сначала я был солдатом, потом работал в ООН, потом стал полицейским. А что ещё Грэм обо мне рассказывал?

— Только это, — ответил Пит. Потом взгляд у него слегка изменился. — Ну... и что ты служил в спецподразделении.

— Что тебя в этом смущает, Пит? — спросил Кеплер.

— Ну... — австралиец ненадолго замялся. Но жители аутбэка были открытыми и прямыми. — Мы слышали истории про тридцать второй батальон.

Это было неудивительно — Австралия и ЮАР входили в Содружество наций, объединение Великобритании и её бывших колоний.

— Какие именно? — спросил Кеплер.

— Вы... батальон служил апартеиду.

— Батальон ещё воевал против коммунистов в Анголе, — уточнил Кеплер. — А вы тоже с аборигенами вещи, о которых лучше не вспоминать. Вы выселяли их в резервации и отнимали

у них детей. Сейчас пытаетесь всё исправить, но в Алис они до сих пор валяются пьяными на каждом углу. — Он сделал паузу. — И Пит, под огнём совершенно неважно, какого цвета кожа у человека рядом с тобой и как именно он молится Богу — потому что он твой товарищ. Только это имеет значение.

— Извини, Джо, — смущённо попросил Пит.

— Всё нормально, — ответил Кеплер и открыл дверь Коммодора. — Нина может забрать машину у меня, а так я завтра вечером привезу её сюда.

— Хорошо, — нарочито бодро, но уже примирительно ответил Пит. — Всё нормально?

— Да, — ответил Кеплер и сел в машину.

Глава 17

Дошло до того, что уже мысль о вакидзаси уже вызывала у Кеплера отторжение. Но всё равно, вернувшись домой, он пошёл в сарай и до самого вечера пытался заниматься мечом. Результат оказался тем же, что и всегда.

На следующее утро после пробежки Кеплер снова тренировался с мечом. И снова всё закончилось катастрофой — он больше тыкал вакидзаси в воздух, чем действительно осмысленно работал им.

Причина его неумения была в нехватке знаний, и несмотря на все усилия и эксперименты, Кеплер всё ещё оставался на том же уровне, на котором уехал из Бремена. Весь его прогресс с тех пор сводился только к тому, что он не откатывался назад. Кеплер умел действительно хорошо не так уж много вещей, да и не хотел уметь многое, но то, что умел, хотел довести до совершенства — или хотя бы всё время к нему приближаться. В рукопашном бою и стрельбе он был хорош, но всё ещё мог развиваться дальше. После стольких лет это происходило куда медленнее, чем вначале, но в кунг-фу он становился всё быстрее, а стрелять точно мог уже на по-настоящему экстремальные дистанции. Каким бы бесполезным ни казалось фехтование, Кеплер хотел владеть им — просто потому, что это было умение воина. О парадоксе того, что вообще-то он больше никогда не хотел сражаться, он не задумывался. Он был бойцом, и для него такие противоречия исчезали сами собой.

Но проблемы с вакидзаси — нет. Кеплер раздражённо отложил меч и признал, что без наставника никогда не сможет продвинуться дальше — с мечом он зашёл в тупик. Нужно было найти решение этой проблемы, потому что продолжать так дальше не имело смысла. Поэтому до половины девятого вечера Кеплер тренировался в рукопашном бою.

Выйдя из сарая, он подошёл к Коммодору и наклонился под передний бампер. Насколько можно было разглядеть в последних лучах заходящего солнца, его ремонт держал.

Это был первый повод для радости больше чем за день. Благодаря чарующему голосу Нины Кеплер принял аутбэк. Согнуть спираль было с этим несопоставимо, но всё же лучше, чем никакой возвраты.

Парковка перед Силвертоном была забита. Был День рождения королевы — праздник, который отмечали во многих странах Содружества, и который в Австралии приходился на второй понедельник июня. На стойке веранды слева от двери вялый ветер лениво шевелил британский флаг. Рядом курили двое мужчин — даже в аутбэке за курение в общественных зданиях полагались драконовские штрафы.

Свой Форд Кеплер нигде не увидел. Он кивнул курильщикам, которые приветственно подняли стаканы, и вошёл внутрь. Похоже, жители аутбэка относились к празднику очень серьёзно — все столы были заняты, а у стойки стояли четыре фермера и два стокмена. Пит громко обсуждал с ними футти — довольно жёсткую австралийскую разновидность футбола. Ева заранее наполняла несколько кружек пивом и кокетливо флиртвала с электриком в сине-жёлтом комбинезоне. Кеплер помахал Питу, тот ответил тем же жестом, и сел. Ева посмотрела на него и улыбнулась.

— Подожди минутку, Спарки, — попросила она.

Кеплер подумал, что австралийское прозвище профессии очень подходило поклоннику Евы. Оставалось надеяться, что короткие замыкания у электрика случались нечасто, но взгляд, которым он смотрел на Еву, уже сам по себе немного искрил.

— Привет, Джо, — поздоровалась она. — Нина недавно звонила, у неё будет небольшая задержка, просит тебя подождать, если возможно. Что будешь пить?

— Воду.

Снова немного удивившись, Ева поставила перед Кеплером бутылку воды, широко ему улыбнулась и вернулась к крану и Спарки.

Кеплер успел выпить половину бутылки, когда по залу прокатилось глухое дружелюбное ворчание. Он посмотрел к двери.

Там стоял Грэм.

Несмотря на поздний час, он был в форме. В ответ на приветствия снял шляпу и кивнул посетителям, потом внимательно обвёл взглядом помещение и направился к стойке. Пит пожал ему руку, сказал Еве налить ему что-нибудь выпить и снова вернулся к обсуждению футти. Грэм сел рядом с Кеплером и протянул руку.

— Всё спокойно? — уточнил он у Евы, которая принесла ему воду.

— Да, Дойл, всё тихо, спасибо, — ответила она.

Грэм бросил насмешливый взгляд на электрика, изучающе посмотрел через плечо и только потом открыл бутылку.

— Тебе ещё ехать, Джо? — спросил он.

— Да.

— Разумно. — Грэм удовлетворённо кивнул. — Но ты и не тауни, — употребил он слегка пренебрежительное обозначение для городских. — Они иногда приезжают сюда по праздникам, а если перепьют — начинают чудить. То пристают к кому-нибудь из местных, то к водителю роудтрейна, то вдруг решают отправиться в дикую местность, то едут домой пьяными. И обычно всё это заканчивается очень болезненно.

— Вы поймали грабителей? — спросил Кеплер.

— С чего ты взял? — удивился Грэм.

— Потому что у тебя, похоже, появилось время.

— Мне всегда приходится делать несколько вещей одновременно — следить за порядком и ловить грабителей, — проворчал Грэм. — Но, похоже, эта история закончилась.

— Правда? — удивился Кеплер.

— Да. После нападения на Каптиву больше ничего не было. — Грэм пожал плечами. — Наверное, они добыли достаточно. Или поняли, что если продолжат, мы их скоро возьмём.

Кеплер в этом сомневался. Если налёты приносили хороший доход, грабители едва ли бы просто остановились. Но могло быть и так, что кто-то ненавидел богатых мужчин в дорогих машинах рядом с красивыми женщинами. В обоих случаях грабители вполне могли сделать паузу, чтобы запутать полицию. Это было бы даже умно. Но Кеплер ничего не сказал. Грэм был намного опытнее, и Кеплер надеялся, что полицейский окажется прав.

Грэм взглянул на часы, допил воду и поднялся, попрощавшись с Кеплером и Евой. Медленно подошёл к двери, надел шляпу и окинул зал предупреждающим взглядом. Несколько посетителей подняли в его сторону кружки. Он кивнул — похоже, был уверен, что дальше всё пойдёт благонаравно. Потом Грэм ушёл.

Кеплер неторопливо допил воду. Когда бутылка опустела, Ева как раз разносила пиво. Он положил под бутылку пять долларов и вышел.

На скамейке на веранде сидела пожилая пара, в нескольких метрах дальше разговаривали двое мужчин и женщина. У пепельницы никого не было, так что стрельнуть сигарету Кеплер не мог. В глубине души даже довольный этим, он прошёл между машинами к краю парковки.

Здесь свет из окон бара терялся в глубокой темноте Ред-Сентра. Кеплер ненадолго обернулся. Здание роудхауса выглядело островком света посреди бесконечной чёрной пустоты.

Кеплер поднял взгляд.

Небо южного полушария он уже успел впитать в себя ещё в ЮАР. Но любой навык нужно было поддерживать, иначе он исчезнет. А поскольку Кеплер, похоже, застрял в нижней

половине Земли, он должен был следовать собственным правилам и тренироваться ориентироваться по звёздам. Тем более что ЮАР тоже находилась в этом полушарии.

Эта мысль удивила Кеплера — потому что вернуться он, похоже, уже не мог. Он отогнал её, поднял голову и вскоре снова забылся в великолепии звёзд.

Его отрешённость рассеялась от прикосновения. Кеплер посмотрел через плечо. Позади стояла Нина. На ней снова был костюм, но стоило ей улыбнуться — и её недоступность исчезла. Нина вдруг превращалась в жизнерадостную женщину с лукавым и немного озорным взглядом.

— Привет, Джо, — поздоровалась она.

— Привет, — ответил Кеплер и пожал её узкую руку.

— Что ты там наверху нашёл? — спросила Нина и показала на небо. — Я тебя звала, а ты не реагировал. Что там?

— Звёзды, — ответил Кеплер.

Ничего не говоря, Нина подняла взгляд. Прошло две секунды, потом её глаза вдруг удивлённо расширились, а губы слегка приоткрылись.

— Боже мой, — благоговейно выдохнула она и улыбнулась отсутствующей улыбкой. — Я уже давно забыла, какое ночью на самом деле красивое небо.

Кеплер только кивнул. Таинственное разноцветное мерцание Вселенной в большей или меньшей степени завораживало каждого — если находилось время поднять глаза. Когда-то давно у людей это время ещё было.

— Знаешь, великолепие звёзд ещё и немного пугает, — неожиданно сказала Нина, но взгляда не опустила.

— Почему? — удивился Кеплер.

— Они заставляют понять, насколько ты мал, — медленно и неуверенно ответила Нина. — Ещё первые люди ориентировались по ним. Их давно уже нет, о них забыли, а звёзды не изменились.

— Это не так, — возразил Кеплер.

Нина посмотрела на него так, будто ждала подвоха.

— В каком смысле? — насторожённо спросила она.

Воспоминание о Буде всё ещё причиняло боль, но Кеплер показал на север. Там от земли по диагонали вверх влево через небо тянулось молочное сияние галактического диска и растворялось в чёрной ночи.

— Видишь яркую звезду прямо над горизонтом слева от полосы Млечного Пути? Это Вега, — сказал Кеплер. — Земная ось описывает круг, и из-за этой прецессии полярная звезда меняется. Вега была ей в то время, когда согласно теории в Африке сто шестьдесят тысяч лет назад появился анатомически современный человек. Потом она была полярной звездой в каменном веке, а через двенадцать тысяч лет снова станет ею. Это если говорить об астрономии. Но Вега оставила след и в культуре, — продолжил он. — Древние арабы связывали её с ястребом, в дальневосточных мифах это небесная ткачиха, сегодня официально она называется «Альфа Лиры», потому что это главная звезда греческого созвездия Лиры. Так что — меняется всё. Во всех смыслах. Всегда.

Нина слушала его не так заворожённо, как немецкие женщины в Рио слушали Буди. Но зато смотрела удивлённо и несколько секунд напряжённо о чём-то размышляла.

— Созвездие названо в честь музыкального инструмента? — предположила она.

— Верно.

— Гермес изобрёл лиру, — тихо произнесла Нина, будто вспоминала легенду для себя самой, — и подарил её Аполлону. Тот позже отдал её Орфею, и тот смог с её помощью вернуть любимую из царства мёртвых. Когда певец умер, музы не нашли достойного преемника для лиры и попросили Зевса сохранить её на небе.

— Всё правильно, — сказал Кеплер, впечатлённый тем, что Нина всё это знала.

— Джо, искусство — это моя жизнь, — весело ответила Нина. — Я даже историю искусства изучала. И этим зарабатываю на жизнь.

— А в университете тебе рассказывали, что Гермес ещё и покровитель торговцев искусством? — спросил Кеплер. — И гимнастов?

— Здорово же, правда? — сказала Нина с лёгкой властью и улыбнулась. — Покажешь мне Лиру? Подожди... — тут же замялась она. — Здесь она же вверх ногами, да? Потому что это созвездие северного полушария?

— Да, — подтвердил Кеплер. — Посмотри по диагонали вверх вправо от Веги. Видишь четыре маленькие звезды, образующие параллелограмм?

— Агауу... — неуверенно протянула Нина.

Кеплер посмотрел на неё. Она старательно вглядывалась, но совершенно растерянно.

— Ты вообще без понятия, о каких четырёх звёздах я говорю, да?

— Без ни малейшего, — честно призналась Нина. — И всё равно улыбнулась, снова посмотрела в небо, потом радостно перевела взгляд на Кеплера. — Спасибо, Джо, — сказала она. — И спасибо, что починил мою машину. Что я тебе за это должна?

Это выглядело так, будто она не любила принимать подарки. А говорить ей, что он подслушал её пение, Кеплер не хотел.

— Поцелуй и яблоко. Поцелуй сейчас, яблоко потом. — Он коснулся пальцем губ. — Давай, рассчитывайся.

— Два яблока, — предложила Нина вместо того, чтобы выполнить требование.

— Так и знал. Сначала спрашивают, потом торгуются, — проворчал Кеплер. — Ладно.

Нина засмеялась и благодарно посмотрела ему в глаза.

— Пит сказал, радиатор стоил бы восемьсот долларов. — Она поёжилась. — Я коплю на... одну важную вещь и считаю каждый цент. Ремонт выдержит?

Кеплер достал из кармана ключ от Коммодора и протянул ей.

— Да. Но тебе всё равно стоит послушать Пита и купить внедорожник.

Нина сунула руку в карман пиджака.

— Твоя машина вон там. — Она показала к левому краю парковки. До неё было больше двадцати метров, поэтому Кеплер не услышал, как она приехала. Нина отдала ему ключ и снова посмотрела вверх. — По сравнению со звёздами Луна стала какой-то неоригинальной.

— Поможет, если ты поймёшь, что каждый раз, глядя на неё, смотришь в прошлое? — с улыбкой спросил Кеплер.

Нина снова подняла взгляд на спутник, сиявший в полную силу.

— В каком смысле? — живо спросила она.

— Он находится в световой секунде от Земли, — ответил Кеплер. — В любой момент ты видишь только то, каким он был секунду назад.

Нина повернула голову и внимательно посмотрела на него. Сначала её взгляд был весёлым и светлым, потом стал удивлённым, а затем — печальным.

— Ты правда очень странный, — сказала она без улыбки. — Ты кажешься таким холодным, а на самом деле ты как звезда.

— Это как понимать? — растерянно спросил он.

— Внутри тебя бушует адское пламя, а снаружи видно только, что ты существуешь. И всё.

— Но только что я тебя вроде бы просветил, — легко возразил Кеплер.

— Нет, — покачала головой Нина. — Ты мне нечто показал, как Полярная звезда показывает направление. Но для всего остального ты слишком далеко.

Кеплер посмотрел ей в глаза. Мягкий взгляд Нины он не смог понять.

— Джо... какой бы утешения ты ни искал там наверху, — она показала глазами в небо, — найди его поскорее. Потому что звёзд надолго не хватит. — Она замолчала и посмотрела

на него с сожалением. Потом коротко и мягко коснулась его руки. — Спокойной ночи, Джо, — тихо пожелала она.

— И тебе, — ответил Кеплер.

Нина ненадолго замялась, словно хотела сказать что-то ещё. Но не сказала, только коротко кивнула и ушла.

Кеплер смотрел ей вслед.

Она была хорошей. И умной. Ей просто не хватало определённого жизненного опыта, чтобы понимать, что некоторые вещи нельзя ни вернуть, ни заменить.

Глава 18

В пятницу Кеплер решил съездить в Алис-Спрингс.

Он мог отказаться от многого, но только не от своего почти благоговейного восхищения женской природой. И оно включало не только общее желание просто видеть женщину, но и вполне конкретное — ощущать физическую близость, разговаривать и даже прикасаться к хрупкому на вид совершенству женского тела. Кеплеру было нужно красивое, чтобы не забывать, что он человек.

С Судана он больше не пользовался услугами проституток. Он не искал чувств, но даже при своей индифферентности и стремлении ни к чему не привязываться случайная ночь с кем-то приносила ему больше, чем секс за деньги. Какой бы короткой она ни была, такая близость открывала целый мир ощущений, которые иначе Кеплер просто не был способен испытать. Иногда ему всё же хотелось это почувствовать.

Заправляться Кеплеру не требовалось, но дорога проходила через Тилмут. Проезжая мимо придорожного комплекса, он увидел прямо посреди парковки Уришу, Еву и её родителей. Даже со ста метров Кеплер понял, что что-то не так. Уриша и Лара стояли как окаменевшие и смотрели на Пита, державшего Еву в объятиях. Дочь металась у него на руках. Кеплер решил, что у неё эпилептический приступ. Он свернул налево и прибавил скорость. Может быть, он мог чем-то помочь.

Когда он вышел из машины, стало ясно, что происходит что-то другое. У Евы не было приступа — она беспомощно плакала. Не в силах вырваться, она извивалась в руках отца. По её щекам текли слёзы, рот был перекошен ужасом, она беззвучно хватала воздух. Уриша и Лара выглядели не лучше — стояли, согнувшись, совершенно потерянные. Пит прижимал дочь к себе с бледным от ужаса лицом. Казалось, боль дочери буквально разрывала его, а он одновременно держал её и сам цеплялся за неё.

— Что случилось? — спросил Кеплер.

Лара и Уриша вздрогнули и посмотрели на него. Ева напряглась, её рот открылся ещё шире, но наружу вырвался только какой-то нечленораздельный сдавленный стон, полный боли. Пит прижал дочь крепче и неловко погладил её по волосам. Уриша судорожно сглотнула.

— Грабители опять напали, — прохрипела она. — Нина...

Нина была одним из немногих людей, которые делали этот мир лучше. Именно она открыла Кеплеру глаза на настоящую сущность аутбэка и хотела его утешить, хотя совсем его не знала. Но большого состояния у неё точно не было. Наверное, грабители это очень быстро поняли. И, судя по взглядам Евы и Уриши, Нину они не отпустили.

— Она погибла? — с трудом спросил Кеплер.

— Нет. — Уриша попыталась улыбнуться. — Дойл сказал, что жива.

— Она купила новую машину? — спросил Кеплер. — Или что?

— Нет. — Уриша покачала головой. — Она взяла Вито у казино-отеля Лессетер... мы организовали для нескольких пожилых богатых американок экскурсию к местам наскального искусства аборигенов. Сегодня Нина должна была привезти их сюда. — Она глубоко вдохнула. — Я не знаю точно, как это произошло. Грэм только что позвонил... — Она покосилась на Еву и опустила взгляд. — Мне не стоило сюда приезжать, — прошептала она, — но я не знала, что делать...

Ева вдруг успокоилась. Она всё ещё тяжело дышала, но сделала глубокий вдох, потом выдохнула и закрыла рот. После этого повернула голову и посмотрела на Пита.

— Можешь меня отпустить, пап, — хрипло сказала она. — Пит медленно разжал руки, но был готов в любую секунду снова поддержать дочь. Но Ева выпрямилась, расправила плечи, вытерла лицо ладонями и посмотрела на родителей. — Мне нужно к ней, — сказала она.

Пит в ответ на её вопросительный взгляд решительно покачал головой.

— Не одна, солнышко, — жёстко ответила Лара и посмотрела на Уришу. — И ты тоже. Дойл приедет, когда закончится смена, и отвезёт вас.

— Но... — возразила Ева.

— Я вас одних не отпущу, — уже твёрдо перебил её Пит.

— Я всё равно собирался в Алис, могу их отвезти, — сказал Кеплер.

Ева сумела изобразить что-то похожее на улыбку и с облегчением выдохнула.

— Спасибо, Джо, — сказала она. — Дай нам десять минут.

Уриша только благодарно коснулась его руки и побежала к гостинице. Ева быстро и уверенно пошла за ней. Но Пит и Лара всё равно тревожно смотрели дочери вслед — в их взглядах слишком отчётливо читалось сомнение.

— Всё будет хорошо, — пообещал им Кеплер и пошёл к Форду.

Всю дорогу Ева и Уриша молча сидели, съевшись на задних сиденьях. Ева задумчиво грызла ногти. Уриша обнимала её и смотрела куда-то вдаль. Никто ничего не говорил.

Только когда они подъехали к больнице, Ева немного пришла в себя. В зеркало Кеплер увидел, как в её до этого испуганный взгляд начала закрадываться паника.

— Она не может умереть, Ури, — произнесла она это почти как заклинание.

— Не умрёт, Ева, — ответила Уриша. — Дойл сказал, что врачи уверены, что она поправится, помнишь?

Ева судорожно вдохнула и попыталась улыбнуться. Кеплер быстро отвёл взгляд, когда она подняла глаза — он не хотел мешать её зарождающейся надежде или обесценивать её пустыми словами. Вместо этого он стал внимательно смотреть вперёд.

Но на довольно большой парковке перед больницей Алис-Спрингс свободных мест не оказалось. Несколько полицейских машин образовали оцепление. Перед ним стояли два передвижных телецентра. Между ними сновали репортёры и операторы, брали интервью у полицейских и сотрудников больницы в синих халатах и белых медицинских куртках. У входа стояли два Форд Фалкон. Это были такие же XR6, как патрульные машины, только чёрные, и лишь магнитные проблесковые маяки на крышах выдавали в них полицейские автомобили.

— Ури, что здесь происходит? — испуганно пробормотала Ева.

— Напали на богатых американок, — напомнил ей Кеплер.

— Которые, возможно, помогли бы осуществить нашу мечту. А вместо этого Нина из-за них пострадала, — горько процедила Ева.

Кеплеру потребовалось некоторое время, чтобы втиснуть Форд в место далеко от входа. Когда он и женщины пошли к больнице, один полицейский в форме всё это время внимательно их разглядывал. Кеплер его проигнорировал, Ева с Уришей вообще его не заметили. Они ускорили шаг, потом побежали. Ворвались через дверь к стойке информации, довольно бесцеремонно оттеснили репортёра, который явно уже действовал сотруднице больницы на нервы, и обратились к ней. Женщина выглядела раздражённой, и как только Ева попросила пустить их к Нине, резко вспылила. Даже после того, как Уриша заверила её, что они с Евой не журналистки, сотрудница отказала им, объяснив это тем, что Нине нехорошо. Бескровные губы Евы беспомощно задрожали. Со слезами на глазах она стала умолять хотя бы позвать врача, который знает, что с Ниной. Женщина посмотрела мягче, но всё равно покачала головой.

— Нас к ней не пустят, — предположил Кеплер. — Грэм здесь?

Уриша удивлённо посмотрела на него, кивнула и поспешно достала телефон. Через пятнадцать минут после её звонка по лестнице спустился Грэм. На приветствия он времени тра-

титель не стал — коротко кивнул Еве, Урише и Кеплеру и жестом позвал их за собой, предварительно подав знак рукой женщине на стойке. Репортёр возбуждённо шагнул к ним. Кеплер остановил его — выставил руку и открыто, с угрозой посмотрел ему в глаза и предупреждающе покачал головой. Потом поспешил вслед за Грэмом и женщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.